

СИБИРИАДА

ВАЛЕРИЙ
ХАЙРЮЗОВ

ОТЦОВСКИЙ
ШТУРВАЛ

Валерий Николаевич Хайрюзов

Отцовский штурвал (сборник)

Серия «Сибириада»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34340754

Валерий Хайрюзов. Отцовский штурвал: ООО «Издательство «Вече»;

Москва; 2017

ISBN 978-5-4444-9054-9

Аннотация

На пути из Бодайбо в Иркутск гидросамолет попадает в грозу. Полыхают молнии, машину кидает из стороны в сторону, крылья раскачиваются, точно фанерные листы. Падают обороты двигателя, командир принимает решение сбросить груз и вдруг видит направленный на него пистолет...

В основе повести «Отцовский штурвал» лежат реальные эпизоды, связанные с повседневной работой авиаторов, героическими традициями сибирских пилотов. Сергей Жигунов по примеру отца становится летчиком и продолжает трудное, но необходимое для таежного края дело. Герои рассказов Хайрюзова – люди крепкой закалки, на которых можно положиться в любой, даже самой безвыходной, ситуации.

Содержание

ОТЦОВСКИЙ ШТУРВАЛ	5
ПОСАДКА В ТАЙГЕ	5
ГИДРОСАМОЛЕТ НЕ ВЗЛЕТЕЛ	14
НАВОДНЕНИЕ В ТАЙГЕ	23
ПОСЫЛКА	29
ПРОБИТОЕ КРЫЛО	33
НАВОДНЕНИЕ В ГОРОДЕ	41
СЕРГЕЙ ЖИГУНОВ В СЕМЬЕ	50
ПОГОДИНЫХ	
ИЗ ЖИЗНИ ФЕДЬКИ САПРЫКИНА	60
ВАСЬКИНА ТАЙНА	65
ПИЛОТ ХУДОРЕВСКИЙ	70
ЯГОДНИКИ	77
СЕРГЕЙ ЖИГУНОВ	85
ОТЪЕЗД	97
ВТОРОЙ ПРЫЖОК	101
МЕДИЦИНСКАЯ КОМИССИЯ	108
В УЧИЛИЩЕ	111
НЕБО ДЕТСТВА	119
ЛЕСНЫЕ ПОЖАРЫ	125
ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО СУШКОВА	138
ОПЕКУН	141
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Валерий Хайрюзов

Отцовский штурвал

© Хайрюзов В. Н., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

ОТЦОВСКИЙ ШТУРВАЛ

ПОСАДКА В ТАЙГЕ

Они упали в тайгу, возвращаясь в Иркутск с севера. В тот день, под вечер, они сели в Бодайбо, забрали там золото, двух пассажиров и после взлета, в двухстах километрах от Киренска, напоролись на грозу. Еще на земле командир летающей лодки Василий Сушков узнал: метеостанция вдоль Лены дала штормовое предупреждение, но он надеялся до непогоды проскочить до Грузновки, а это почти дома, до города всего два часа лету.

Сначала гроза не показалась ему опасной. Серый козырек облаков, с виду безобидный, тонкий, незаметно закрыл небо, самолет нырнул под него, как в невод, и через несколько минут уперся в темную стену, которая время от времени озарялась мертвящим лиловым светом.

– Черти сварочным аппаратом балуются, – невесело пошутил Сушков.

Бортмеханик Никифор Сапрыкин, поморщившись, мельком поглядел на командира. Летал он давно, верил в разные приметы: не позволял свистеть в самолете, возил в чемодане подкову.

– Надо обходить, – приподнявшись на своем сиденье, ска-

зал он. Сапрыкин знал: Сушков торопился в Иркутск – и поэтому не стал уговаривать командира вернуться в Бодайбо.

Сушков развернул самолет, ушел с трассы влево, в той стороне небо было посветлее. Но уже через несколько минут и там стали попадаться облака, по лобовому стеклу ударил дождь.

Сушков беспокойно поерзал на месте, возвращаться не хотелось, он еще повернул влево, самолет выскочил в свободный от облаков длинный ломаный коридор, который шел вдоль грозы. «Будто специально для нас оставила, – подумал Сушков, – проскочим». Он еще не знал, что эта мотня – западня. Через пару километров они увидели сине-черное нутро грозы... Теперь уже полыхало со всех сторон. Время от времени в разрывах облаков мелькали серые шишकाстые, точно остриженные наголо, макушки гольдов. Самолет корежило, бросало. Оглянувшись на крыло, Сушков увидел, что оно раскачивается, точно фанерный лист.

Короткий, как удар, блеск молнии высветил лопасть винта, он ясно разглядел ее всю до мелких царапин. В это мгновение ему показалось, что винт остановился, он закрыл глаза, не веря тому, что увидел, затем вновь торопливо глянул на винт. Теперь все сошлось, мотор работал, как и положено, перед глазами стоял матовый вращающийся диск, он озарялся багряным цветом, и тогда Сушкову почудилось: внутри самолета что-то горит. Ему стало страшно. Летал он не первый год, но в такой переплет попал впервые. Стараясь

успокоиться, он посмотрел в пассажирскую кабину, увидел пристывшее сиреневое лицо сопровождающего груз Лохова, рядом с ним вспотевшего начальника изыскательской партии Изотова. Тот приник к боковому иллюминатору и изо всех сил тянул набрякшую, перехваченную тугим воротом рубашки шею.

«Тебе-то что там смотреть? Уж сидел бы на месте», – подумал Сушков.

Изотов будто услышал его мысли, отвернулся от окошка и, поймав взгляд летчика, испуганно втянул голову в плечи.

«Нужно что-то делать, – тукалось, билось в голове у Сушкова. – Но что? Возвращаться поздно. На что решиться? Сам влез, сам выкручивайся. Тут уж никто тебе не поможет. Нет, вперед – только вперед».

Бортмеханик поелозил на своем сиденье, мельком глянул на командира и, приподнявшись, задернул шторы на лобовом стекле.

– Чтоб гроза на психику не давила, – объяснил он. – Тут уж пан или пропал. Нам бы на Киренгу выскочить, там можно сесть.

Он достал полетную карту, стал водить по ней заскорузлым пальцем. Сзади к нему пристроился Изотов, выцветшими глазами уставился в карту. Сушков заметил: щека пассажира дергалась от нервного тика, но казалось, что он подмигивает карте.

«Испугался, бедняга», – подумал Сушков. Слабость дру-

того подействовала на него отрезвляюще, он успокоился, забыл про грозу, остальной мир перестал существовать, сузился до размеров кабины. Он видел перед собой только приборную доску да серое, угрюмое лицо бортмеханика, которое для него было сейчас самым надежным прибором.

Через некоторое время бортмеханик тронул его за плечо: – Вроде бы проскочили, болтать меньше стало.

Он сдернул шторку, заглянул на землю, но чувствовалось, что это уже для успокоения. Ничего разглядеть там было невозможно, по стеклу сплошным потоком лилась вода. Минут десять они летели спокойно. Казалось, гроза отпустила их, но в то же время Сушков заметил: с самолетом что-то случилось. Он определил это по лицу бортмеханика.

Так и есть. Сапрыкин впился взглядом в счетчик оборотов двигателя, потом медленно пошевелил сектором газа.

– Обороты упали, – виноватым голосом пробормотал он.

– Тянет пока, может, выкарабкается, – с надеждой посмотрел на него Сушков.

Но самолет продолжал падать, мотор с каждой секундой терял свой голос, бормотал глуше и невнятной.

– Выбрасывай груз! – крикнул бортмеханику Сушков. – Иначе упадем.

Бортмеханик согласно кивнул головой, отстегнул привязной ремень и, скособочившись, бросился в пассажирскую кабину. И неожиданно отпрянул назад. Прямо на него смотрел темный глазок пистолета.

– Только притронься – застрелю! – сдавленным голосом крикнул Лохов. Он стоял над грузом, согнувшись, в глазах – сумасшедший огонек.

– Да ты что, очумел?! – опешил Сапрыкин. Он обернулся к пилотской кабине. – Командир, скажи ты ему, убьемся ведь, если не выбросим грузы. Видишь, мотор не тянет.

– Выбрасывай, мать твою за ногу! – заорал из кабины Сушков. – Кому говорят!

Бортмеханик сделал шаг к Лохову, тот снова поднял пистолет.

– Вот так, ребята, – сухо, как о давно решенном, сказал он. – У меня выбора нет. Выбросите груз – меня расстреляют, убьемся – один конец. Сделаете хоть шаг – буду стрелять.

– Слушай, ты почему только о себе думаешь, ты о нас подумай! – крикнул Изотов. – Может, тебе жизнь не дорога, а у нас дети. Боже мой, боже мой, ведь не хотел я лететь, не хотел!

Изотов обхватил голову руками, зашатался, как помешанный.

– Сделаете шаг – застрелю, – как заведенный, повторил Лохов.

– Знал бы, в жизнь не взял тебя, – обреченно и зло сказал Сушков. Он готов был своими руками выбросить сопровождающего вместе с этим проклятым грузом.

– Командир, крен! Убери крен! – вдруг крикнул Сапрыкин.

Сушков увидел впереди серую блестящую полосу, поначалу подумал, что это свободное от облаков небо. Но такого неба он еще не видел, увеличиваясь на глазах, к ним несло выгнутое серое полотно реки.

– Вода! Это вода! – заорал Сапрыкин, тыкая пальцем в стекло.

Им повезло. Самолет вошел в узкую, проложенную рекой просеку. Сушков выправил крен, по инерции отвернул от несущихся навстречу деревьев.

– Давай правее, видишь, рябь, это мель, – в последний момент подсказал Сапрыкин.

Подняв волну, они плюхнулись в воду. Самолет круто завернул нос, выскочил на мель под свисающие деревья. Внизу под полом глухо захрустела обшивка, приборная доска стремительно пошла навстречу. Сушков выбросил вперед руки, предохраняя голову от удара.

Сапрыкин выключил двигатель, быстро открыл аварийный люк, выбрался наружу. Сушков молча проводил его взглядом, у него не было сил подняться с кресла, в нем жило только сердце, оно бухало где-то около горла, по всему телу мелкой дрожью расползалась вяжущая слабость. Ему хотелось поскорее выбраться из самолета, но он не мог ничего поделать с собой, тело стало чужим.

Самолет постепенно заполнялся водой, при посадке они пробили дно. Нос задрался вверх, лобовое стекло уставилось на макушки мокрых сосен, сквозь них проглядывало вечер-

нее небо, которое все еще раздирали молнии, но здесь, на земле, они не казались страшными.

Мимо Сушкова пролез Изотов, он тащил за собой портфель с документами, лицо у него было серое, мокрое.

– Брось ты его, – вяло сказал Сушков.

Изотов осоловело посмотрел на летчика, молча протолкнул портфель в отверстие, вылез следом. Снаружи всплеснула вода.

«Неглубоко, – определил Сушков, – наверное, по колесо. Недаром говорят: “Кому быть повешенному – тот не утонет”».

– Вася, вылазь, а то утонешь! – закричал снаружи бортмеханик.

Сушков отстегнул ремни, поднялся с кресла, но прежде чем вылезти наружу, заглянул в грузовую кабину. Вода заполнила хвост самолета, промочила брезентовый чехол, который лежал в конце кабины, подступила к ногам Лохова. Он сидел на ящиках, крутил в руках пистолет.

– Чего расселся, – хмуро сказал ему Сушков. – Выбирайся давай.

Через несколько минут они вытащили из самолета все, что могло пригодиться: бортовую сумку с документами, ракетницу, подушки из-под сиденья, груз. Из чехла соорудили палатку. С Лоховым не разговаривали. Он, постояв на берегу, вновь перетаскал золото в пилотскую кабину и остался ночевать там. Сушков, некоторое время наблюдавший, как Са-

прыкин осматривает самолет, вяло пошутит:

– Почти что цел, можешь сдавать дежурному медведю. Вместе с охранником.

Они забрались под чехол, легли на землю, приткнувшись плотнее друг к другу. Было прохладно и сыро, пахло мхом и бензином. От реки шел густой шум, который, казалось, существовал сам по себе; ни тайге, ни реке, ни падающему с неба дождю не было до людей никакого дела: они проглотили и растворили их в себе.

Сушкова разбудила вода. Она вернула его из полудремотного состояния, в котором он ненадолго спрятался от жгучего сознания случившейся с ними беды. Он сделал слабую попытку вернуть или хотя бы задержать сон, но сердце тоже проснулось, забухало глухо и зло.

Сушков услышал шум дождя, дыхание спящего рядом Сапрыкина, ощутил мокрую, прилипшую к телу одежду и тотчас разом от начала до конца восстановил в памяти вчерашний полет, затем подробней, уже с каким-то другим, оправдывающим себя чувством, вспомнил посадку.

«Эх, если бы не груз, тогда бы выцарапались!» – с раздражением подумал он. Лежать было неудобно, Сушков поднял брезент, выполз наружу. По пути ему попались самолетные формуляры, он вытащил бортовой журнал, раскрыл его, стал читать записи. Ему хотелось отыскать ответ на мучивший его вопрос. Может быть, где-то в предыдущих полетах уже случались отклонения в работе двигателя, но в бортжурнале все

было в порядке.

«Нужно продолжать записи, – подумал он, – начнут разбираться, будет хоть на что сослаться».

Он достал химический карандаш и аккуратно вывел:

13 июня 1941 года.

12 июня вечером при возвращении из Бодайбо попали в грозу и сели на вынужденную. Причина: падение мощности двигателя.

Капли дождя, залетая под карандаш, раскрасили буквы в яркий фиолетовый цвет.

– Подумают, что плакал, – усмехнулся Сушков. Он послунил карандаш и добавил:

Спали плохо, всю ночь шел дождь.

Он захлопнул бортжурнал, запихал его обратно в сумку и, придерживаясь за кусты, стал спускаться к реке.

– Стой, кто идет? – донесся от самолета голос Лохова.

ГИДРОСАМОЛЕТ НЕ ВЗЛЕТЕЛ

В жаркий июньский день сорок первого года работники гидроаэропорта высыпали на берег Ангары провожать Павла Михайловича Жигунова. Командование управления гражданской авиации срочно отозвало Жигунова из отпуска, дало ему вместе с семьей день на сборы. Все знали: Жигунова переводят работать в Якутск, но не догадывались, что такая спешка вызвана тем, что несколько дней назад в районе Бодайбо пропал самолет Василия Сушкова.

Поначалу в гидроотряде не поверили, что Сушков потерялся, не такой это был человек. Если бы кто другой, но чтоб Сушков! К нему прочно прилипло слово «счастливчик». Там, где другие сломали бы себе шею, Сушков выходил сухим из воды. За примером далеко ходить не надо. Совсем недавно на пути между Леной и Ангарой отказал у него двигатель. Так он ухитрился примоститься на крохотное озерко. Пролетая над ним, летчики качали головой. Десять метров недолет, пять метров перелет – конец самолету. Счастливчик Сушков!

Павел Михайлович приехал в гидроаэропорт вместе с женой и сыном. Он оставил их на причале, а сам зашел к командиру отряда Константину Буркову. В кабинете одно узкое полукруглое окно, оно что тоннель в толстой стене, в конце его, за пыльным стеклом стоит рыжее утреннее солнце.

Увидев Жигунова, он кивнул на свободный стул, развернул перед Павлом Михайловичем полетную карту.

– Придется тебе Сушкова искать, – хмуро сказал Бурков. – Для розысков уже выделены два самолета. Его по Лене ищут да по Витиму. А он наверняка где-нибудь на маленькой реке сидит. Не мог же он от воды далеко уйти.

Бурков посмотрел на Жигунова, погладил ладонью голову.

– Сегодня же добирайся до Киренска. Там тебя встретят. Руководит поисками Афанасьев – секретарь райкома. Дело, я тебе скажу, заварилось нешуточное: привлечена милиция, работники НКВД. В тайгу ушли поисковые отряды. Но пока что, увы, – Бурков развел руками. – Семью разрешаю взять с собой. Найдешь Сушкова, двигай дальше к новому месту службы.

Бурков замолчал. В комнату вошла его жена Тамара. Она потерянно остановилась около дверей, невидящими глазами скользнула по лицу мужа, остановилась на Жигунове. Павлу Михайловичу стало не по себе от ее взгляда.

Год назад привез Константин Бурков из отпуска красавицу москвичку. И сразу же по устоявшейся, закрытой от посторонних глаз жизни гидроотряда будто прошелся вихрь.

Тамара устроилась работать медсестрой. И сразу же к ней образовалась очередь. У одного насморк, другому нужны таблетки, третьи заходили просто так, поболтать. Чаще других на медпункте околачивался Сушков.

– Как бы тебе Бурков не выписал касторки, – смеялись летчики.

Сушков отмалчивался. Ласково и весело смотрел он на Тамару. И таяла, терялась под его взглядом молоденькая медсестра. Потом неожиданно Василий написал заявление о переводе в отряд изыскателей, который базировался тут же рядом, около стен монастыря. Одни говорили, что Вася-ка позарился на большие деньги, другие многозначительно шурили глаза.

Бурков сгреб со стола какие-то бумаги, торопливо сунул Жигунову руку:

– Долетишь до Якутска, напиши, как устроился, – и, сутулясь, вышел из кабинета.

– Павел Михайлович, ты Васю обязательно разыщи, – прикрыв лицо руками, сказала Буркова. – Одна надежда на тебя.

Она опустила руки, набежавший было румянец съела пепельная бледность.

– Павел Михайлович, ну скоро ты там? – донесся с улицы басистый голос бортмеханика Дмитрия Глухарева. – Давай побыстрей, а то без тебя отчалим.

– Сейчас иду, – отозвался Жигунов.

Он молча глядел на Буркову, зная, что не может ей ничего обещать. С Василием Сушковым они были закадычные друзья, вместе заканчивали летное училище, после приезда в Иркутск некоторое время жили на одной квартире. Поэто-

му все, что касалось Сушкова, он принимал близко к сердцу. Так и не отыскав нужных слов, Жигунов вышел из комнаты. Вслед за ним плеснул тихий женский плач.

На причале обычная в таких случаях суета: толпились провожающие, пиликала гармошка. Играл на ней Николай Погодин – слесарь аэропорта. Глаза у него полузакрыты, на губе прилипла погасшая папироса. Ходили ходуном доски на причале, выгибаясь, плясала Анна, жена Погодина, вокруг нее вприсядку винтом ходил моторист Колька Опарин. Чуть в стороне, с ребенком на руках, стояла Валентина – жена Жигунова. Теплый ветер трепал на ней платье, забрасывал на лицо завитки волос.

– Павел Михайлович идет! – высунувшись из форточки, громко крикнул второй пилот Михаил Худоревский.

Погодин бросил играть, сунул кому-то гармошку, с пьяно расплывшимся лицом, растопырив руки, бросился к Жигунову.

– Павел Михайлович, родной! Как же мы здесь без тебя?! Жигунов смущенно похлопал Николая, ему и самому было жаль расставаться с Погодиным.

Два года назад сел Жигунов в Грузновке, где жил Николай, на вынужденную посадку. Работал в то время Погодин в деревенской кузнице подручным у своего деда. За одну ночь выковали они для самолета швартовочные якоря взамен тем, что летчики утопили при посадке, выправили вмятины на самолете. Павел Михайлович долго рассматривал работу де-

ревенских мастеров, стучал пальцем по обшивке. Он помнил, как маялись на авиаремонтном заводе, придавая кольчугалюминию нужную форму, нагревали, купали в селитровой ванне, как после неосторожного удара коварный металл давал трещины. Вечером он пошел к Погодиным и уговорил парня лететь в Иркутск. В городе отвез его на завод. Недолго пробыл там Николай, потянуло его в аэропорт к Жигунову. Он забрал в отделе кадров документы, спустился с горки на речку Ушаковку и по берегу дотопал до стен бывшего женского монастыря, где размещался аэропорт.

Но и там поначалу маялся, не находил себе места Николай. В Грузновке осталась у него зазноба, Аня Журавлева, которая никак не хотела ехать за ним в город. Он написал письмо девушке и решил отправить его с Павлом Михайловичем. Через несколько дней Жигунов прилетел обратно, подозвал к себе Погодина:

– Вот что, Коля, – улыбаясь, сказал он, – завтра лечу в Бодайбо. Садись с нами, сам поговоришь с ней.

– Неудобно как-то, – замялся Николай. – Денег на билет нет.

– Ты слушай, что тебе старшие говорят, – поддержал Жигунова Василий Сушков. – О каких деньгах речь! Мы сватать пойдем, будь спокоен – не устоит!

И верно. Не устояла Аня перед натиском летчиков, дала согласие. В пригороде подыскали молодые дом, Жигунов помог купить его.

От воды несет свежестью, на тросах, будто рыбы на ку-
кане, поблескивая ребристыми боками, плескались самолеты. По речной глади скользила приземистая тень монастыря. Налетел слепой дождь, поднял фонтанчиками пыль на откосе, погрыз деревянный причал, побарабанил на тугих боках самолета, потом взялся за монастырь. Серебристые стрелы неслись мимо тлеющего на солнце креста, жалили кровельную жесть купола.

– Плохая примета, – сказал кто-то из провожающих. – Дождь при солнце.

Проверив загрузку самолета, Жигунов подозвал к себе Худоревского.

– Опять ты, Михаил, за свое. Что на сей раз везешь?

– Так на Север летим, Павел Михайлович, – заюлил Худоревский. – Кто его знает, когда обратно сюда попадем. Вдруг цинга начнется, а у нас все свое: захотел лучку, чесночку – пожалуйста, ешь сколько хочешь. Да и заказывали мне.

Михаил приехал в гидроаэропорт раньше всех, сгрузил с телеги три мешка с чесноком, сунул извозчику «красненькую» и по-быстрому, пока не приехало начальство, перетаскал свой груз в самолет.

– Знаю я твой Север, – усмехнулся Жигунов. – Здесь чесноку на весь район.

– У нашего Миши размах как у настоящего коммерсанта, – заглянул в кабину Глухарев. – Будь его воля, он бы весь самолет мешками загрузил.

Худоревский растегнул тугие крючки кителя, набывшись, повернулся к Глухареву:

– Ты, Дима, рассуждаешь как враг народа. Я, можно сказать, государственное дело делаю. Мне люди за это только спасибо говорят.

– Чтоб это, Михаил, было в последний раз, – вздохнув, примирительно сказал Жигунов. – Перегрузил самолет.

Подошедший катер утянул самолет вверх по течению к новому ангарскому мосту. В сторону города пополз синий шлейф дыма, и самолет пошел на взлет. Обычно самолеты отрывались у первого поворота напротив польского костела. Но на этот раз он почему-то не отрывался, подняв водные усы, мчался дальше. Поравнявшись с монастырем, самолет вдруг подпрыгнул, встал на дыбы, черкнул крылом воду. Рыкнул напоследок двигатель – все смолкло.

На берегу засуетились, столкнули на воду лодки. К месту происшествия поспешил катер. Успели спасти только троих: Худоревского, Глухарева и Сережу, сына Жигуновых. Спас их бакенщик Косачев, первым подоспевший на лодке от острова. Глухарев, почти захлебываясь, держал на руках Сережу. Валентину поймали в тот же день, чуть ниже поселка Жилкино за нефтебазой, а вот Жигунова вытащили вместе с самолетом, у него была разбита голова. Самолет налетел на полузатонувшее бревно, которое вынесло из Иркутска. Оно пробило днище, застряло в кабине. Самолет подняли со дна, отбуксировали на остров и, так как восстановить его было

невозможно, оттащили на свалку в песчаный карьер.

На похоронах народу было немного, уже второй день шла война. Собрались самые близкие: летчики, техники, жители соседних улиц. День выдался пасмурный, шел дождь. Со стен монастыря хмуро смотрели лики святых, пахло краской, пихтой, полевыми цветами.

– И надо же так, сразу оба, отец и мать, – шелестел в толпе разговор. – Ребенок сиротой остался.

– Что верно, то верно. А у Сапрыкина сразу двое сирот, и сама, говорят, больна.

– Про Сапрыкина помолчи, – обрезала Анна Погодина. – Может, еще найдутся. В тридцать седьмом вот так же летчики потерялись. Через два месяца нашли. Ничего, живы, только исхудали сильно. Дай бог, и этих найдут.

– Да мы ничего, мы только говорим, что сейчас не до них, – вздохнул кто-то. – Вот какая беда навалилась. Немцы-то, говорят, бомбят и бомбят. Сколько еще сирот останется. Ох, горяшко-то какое. Что с нами будет!

...16 июня. Дождь не перестает. Река прибывает, вода холодная, видимо, недалеко горы. После обеда держали совет. Я предложил соорудить плот и, пока держится большая вода, сплавливать по реке. Изотов поддержал меня. Никифор против. Говорит: нельзя нам уходить от самолета. Подумав, я согласился с ним. Есть в авиации такой закон – сидеть на месте, пока тебя не найдут. Прежде всего будут искать самолет, человека в тайге искать – что

иголку в стоге сена. Никифор нарезал бересту и соорудил балаган, чем-то похожий на эвенкийский чум, сверху прицепил подкову, которую возил с собой на счастье. Смеется, что только благодаря ей мы уцелели.

Жить можно. Нас уже, наверное, ищут. Ходил на хребет, хотелось узнать, где мы сели. Кругом горы, видны заснеженные гольцы. Тайга сорная, не продерешься. Устал как черт, промок. Лохов сидит в кабине. Подсчитали наличие продуктов. В самолете был ящик с неприкосновенным запасом: консервы, сгущенка, галеты. Кое-что оказалось у Изотова. Пожалуй, на неделю хватит. Слушаем небо – не пролетит ли самолет. На всякий случай собрали хворост. Никифор держит его под брезентом, сушит. Чуть что – запалим костер.

НАВОДНЕНИЕ В ТАЙГЕ

Ночью Сушкову приснилась Тамара. Она стояла на берегу Ангары и смотрела на воду.

– Я тебе больше не верю, – не поднимая головы, тихо сказала она. – Ради тебя я пошла на все, а ты оставил меня одну на суд людям, а сам спрятался в тайге. Разве можно так, Вася? Чем так жить, уж лучше в воду. – И она сделала шаг к реке.

Сушков хотел подбежать, удержать ее, но берег с Тамарой вдруг повалился в воду, и он почувствовал, как кто-то тормошит его за плечо.

– Вася, вставай. Да проснись ты, наконец! – кричал Сапрыкин. – Самолет уносит.

Сушков вскочил и, путаясь в поддерживающих брезент веревках, выкарабкался на воздух. Сапрыкин схватил его за рукав и потащил куда-то в темноту.

– Берег подмыло, и сосна, за которую мы привязали самолет, повалилась в реку, – на ходу возбужденно говорил Сапрыкин. – Изотов побежал уже туда, а я за тобой.

– Мужики, давайте сюда! – раздался из темноты голос Изотова. – Я его держу. Здесь вроде бы течение послабее.

Сушков, не разбирая дороги, бросился на голос, ветки больно хлестнули по лицу. Уже рядом с рекой ноги потеряли опору, и он кубарем скатился в низину, прямо на стоявшего

в воде Изотова.

– Осторожнее, медведь, – чертыхнулся тот. – Держи конец, уносит. Не могу больше.

Сушков схватился за трос и тут же почувствовал, как ожгло ладони, самолет тащило по течению.

– Упрись, упрись, дальше обрыв! – предостерегающе крикнул Изотов.

Сушков выставил вперед ноги, выгнулся дугой, трос перестал скользить. Наступило шаткое равновесие.

– Ребятки, потерпите минутку, – молил сзади Сапрыкин. – Я сейчас сплываю, привяжу другой конец.

Он сбросил куртку, сапоги и, держа в руке веревку, поплыл к самолету. Не вылезая из воды, привязал ее к подкосу и вернулся на берег. Через несколько секунд трос в руках Сушкова ослаб, Сапрыкин утянул самолет с русла. У берега течение было слабое.

– Холодная, сволочь, – выругался Сапрыкин. – Как у нас в Ангаре.

– Ты давай подтягивай, сил нет, – буркнул Сушков.

– Мы его, голубчика, сейчас в низинку подтянем, – весело ответил бортмеханик. – Там он никуда не денется. Ишь ты, самостоятельность проявил. Я тебе покажу, как от меня бегать.

– Иди помоги Никифору, – сказал Сушков Изотову. – Я здесь один подержу.

Изотов отпустил трос, бросился к Сапрыкину. Вдвоем они

подтянули самолет к берегу и привязали веревку к дереву.

Сушков бросил трос на землю. Присев на поваленную сосну, снял сапоги, вылил из них воду. Тяжело дыша, к нему подошли Сапрыкин и Изотов. Втроем зацепили трос еще на одном дереве.

– Сейчас бы стаканчик пропустить, – заикаясь, сказал бортмеханик. – Продрог, спасу нет.

– Ну, так в чем дело, сбегай в магазин. У меня нету, – улыбнулся Сушков.

– У меня есть, – неожиданно проговорил Изотов. – Бутылка армянского коньяку.

– Вот как! – Сушков с интересом посмотрел на него. – Ну что ж, накрывай на стол. Я переобуюсь и подойду. А где Лохов?

– В кабине сидит, где же ему быть, – ответил Сапрыкин. – Когда понесло – благим матом орал. Спасите! Я грешным делом подумал, медведь в самолет залез и в кабине его там прижучил. Ну а когда увидел, что держим самолет, – приутих. Все над златом чахнет. Да хоть бы над своим.

– Ладно. Не трогайте его, – миролюбиво протянул Сушков. – У каждого свой устав. Груз пропадет – нас тоже по головке не погладят.

Бортмеханик с Изотовым ушли, Сушков остался один. Глухо шумела река, рассвет погасил звезды, отчетливей стали видны очертания самолета.

«Далеко ли отсюда Лена?» – в который раз мысленно

спросил себя Сушков. Может, лучше все-таки не сидеть на месте? Пока большая вода, собрать плот и сплавиться вниз по течению. Конечно, если были бы продукты, если бы его не ждали в Иркутске, можно бы и сидеть. А так – он уже почувствовал, когда держал трос, – силы стали не те. «Пока совсем не ослабли, нужно выбираться отсюда», – решил он.

С беспокойным сердцем улетал он в эту командировку. Перед вылетом Тамара призналась ему, что беременна.

– Ну, так в чем же дело? – сказал ей Сушков. – Теперь обратного хода нет, мы должны быть вместе.

Тамара расплакалась.

– Не могу я вот так просто уйти. Жалко мне его. Ты знаешь, мне кажется, он обо всем догадывается, но молчит. Ни слова, ни упрека. Только дома реже стал бывать, все на работе и на работе...

– Тем более пора решать, – сказал ей Сушков, – прилечу из командировки, поговорим.

Вот и решили. Как она там теперь? Ждет...

На самолете хлопнула форточка, наружу высунулась взлохмаченная голова Лохова.

– Эй, парень, – негромко окликнул его Сушков. – Выпить хочешь?

– Нет, не хочу, – подумав немного, буркнул Лохов.

– Послушай, Лохов, ты женат?

– Чего это?

– Ну, я тебя спрашиваю, жена, дети у тебя есть?

– Нет, нету.

– А-а-а. Тогда все понятно, – протянул Сушков.

20 июня. Вот уже почти неделю сидим в тайге. Наконец-то распогодилось, но настроение неважное. До сих пор не знаем, где находимся. Организовали круглосуточное наблюдение за воздухом. Пока там пусто. Светит солнце, подсохло. Изотов похож на дачника. Все время трещит о своих ребятишках. Лучший ему собеседник на эту тему, конечно, мой бортмеханик. Никифор рассказывал про свою жизнь, про то, как он попал в авиацию, про свою жену, про сына Федьку. Жаль, что я не мог поддержать их разговор. У меня все по-другому, все шиворот-навыворот. Но ничего, будет и на нашей улице праздник, лишь бы выбраться отсюда.

Я вот сейчас пишу и думаю: где-нибудь в сорока-пятидесяти километрах от нас стоит поселок или деревня. Там есть рация или телефон, можно говорить хоть с Москвой. Когда летаешь, то почему-то это не приходит на ум. Что такое пятьдесят километров? Десять минут лету, даже анекдот толком рассказать не успеешь.

После обеда ходил смотреть речку на тот случай – вдруг прилетит самолет. Сесть практически негде, река узкая, мешают деревья, они будто заборы вдоль берега. Сейчас я и сам удивляюсь, как мы сели. Метр вправо или влево – и оборвали бы крылья. Может, и правда я счастливый?

Продукты расходуются быстро. Осталось три банки тушенки и банка сгущенного молока. Тушенку отложили на

черный день. Собираем черемшу. Сапрыкин говорит – это сибирский чеснок, есть в ней все витамины.

Ночью к реке приходил медведь. Просили у Лохова пистолет поохотиться. Не дал. По-прежнему живет в кабине самолета. Наверное, думает, что мы нарочно сели в тайге, чтоб ограбить его.

ПОСЫЛКА

– Командир, я так дальше не могу! – поднимаясь от реки и продираясь сквозь кусты, кричал Сапрыкин. – Или я его ухлопаю, или он меня. Пошел в самолет за посылкой, а он не пускает.

– За какой посылкой? – не понял Сушков.

– Совсем из памяти вышибло, – постучав себя по голове, ответил Сапрыкин. – В Бодайбо перед самым вылетом подошла ко мне бабенка. Спросила, когда Мишка Худоревский прилетит, мол, мне надо с ним в Иркутск посылку отправить. Ну, я ей говорю, давай, я передам Михаилу. Она обрадовалась: «Да вас там встретят, обязательно встретят». Я взял посылку и засунул ее к себе под сидение. И забыл. А сегодня утром вспомнил, вернее, живот напомнил. Вдруг там что-нибудь съестное есть? А этот озверел, не пускает. Чокнутый, точно, чокнутый.

Сушков посмотрел на расстроенного бортмеханика, спустился к реке. Следом, бормоча себе под нос, плелся Сапрыкин.

– Лохов! – громко крикнул Сушков. – Там у механика под сиденьем посылка. Дай ее сюда.

Через минуту открылась форточка, и Лохов подал Сушкову обшитый брезентом квадратный ящичек. Посылка оказалась тяжелой, килограммов восемь-десять. Сушков повер-

тел ее в руках и передал бортмеханику.

– Семь бед – один ответ. Вскрой, посмотрим, что в ней.

Сапрыкин достал нож, аккуратно вспорол шов на брезенте и вытащил из мешка фанерный ящик. Лезвием ножа поднял крышку. Внутри оказалась еще одна упаковка, на этот раз из газетной бумаги. Сапрыкин сорвал бумагу. Плотно, один к другому в ящичке лежали коричневатые куски хозяйственного мыла.

– Только и всего, – разочарованно протянул Сапрыкин.

– А чего ты хотел, – улыбнулся Сушков. – Чтоб тебе тушенку сюда положили! Сколько я помню, из Бодайбо одно мыло посылают. Пожалуй, я кусочек возьму, рубашку постираю, а то вся потом провоняла.

– Послушай, Изотов, давай заодно и твой портфель ковырнем, – хитровато прищурился Сапрыкин. – Может, там еще одна бутылка завалилась. Что-то ты его все время за собой таскаешь. Спать – и то под голову кладешь. А может, как и этот, – Сапрыкин кивнул в сторону реки, – золото там хранишь?

– Этот портфель, ребята, подороже десятка ваших самолетов будет, – улыбаясь, сказал Изотов, – даже если их всех загрузить золотом. В нем, – Изотов хлопнул ладонью по портфелю, – будущая железная дорога. Она уже строится. Скоро здесь начнутся работы. Если, конечно, не помешают.

– Кто это помешает?

– Могут. – Изотов потеребил подбородок, некоторое вре-

мя молча смотрел на реку, затем повернулся к Сушкову. – Германская армия где сейчас стоит? Вдоль нашей западной границы. Думаю, неспроста они там расположились.

– У нас с ними договор о ненападении, – заметил Сушков.

– Договор есть. Правильно, – согласился Изотов. – Только вот что я хочу вам рассказать. Перед командировкой заезжал я к брату в Читу. Он в Забайкалье служит, командиром бригады. Думаю, погощу у него дня два. А его среди ночи вызвали, в эшелон – и на запад. К чему бы такая спешка, а? Кумекаете? Мне ведь пришлось повоевать с ними.

Изотов задрал рубаху, показал сизый шрам на ребре.

– В шестнадцатом в Галиции получил.

– Да если полезут, мы им покажем кузькину мать, – махнул перед носом кулаком Сапрыкин.

– Этим сейчас, брат, много не навоюешь, – усмехнулся Изотов. – Я думаю, хватит нам сидеть. Нужно рубить плот и сплавляться по реке. Здесь можно сидеть до морковкиного заговенья.

– А золото, как с ним быть?

– Золото возьмем с собой, – сказал Сушков. – Оставлять его в тайге нельзя.

– Я вот приглядываюсь к тебе, – положив руку на плечо Изотову, проговорил Сапрыкин, – вроде бы ты мужик нетрусливый. А пошто там, в самолете, в грозу испугался? Чего бояться-то? Все равно двух жизней не бывает. Чему быть – того не миновать.

– Да я разве за себя испугался? Когда одни и нет никого за тобой, то и умирать легче, ну, не легче, спокойнее, что ли. А у меня дети. Младшему еще только три года.

– Верно говоришь, – подумав, согласился Сапрыкин. – Ради них живем.

– С собой туда ничего не захватишь, – раздумчиво сказал Изотов. – Все останется им, нашим ребятишкам.

– Эй, мужики, хватит философствовать, – остановил их Сушков. – Деревья на плот валить надо. И Лохова зовите. Хватит ему там штаны просиживать. Пусть разомнется малость.

21 июня. Случилась беда, утонул Изотов. Я до сих пор не могу опомниться. Все произошло нелепо.

Утром мы погрузили на плот все свое имущество. Лохов потребовал, чтобы он со своим грузом был на одной стороне плота, мы – на другой. Я пробовал его убедить, что груз надо разместить в центре плота, но он уперся как бык. Кое-как погрузились и отплыли. Минут через сорок показался порог. От первого камня мы отвернули, потом плот стало заносить, и Никифор с шестом бросился на другой конец, к Лохову. Тот, как и в самолете, заорал: «Не подходи!» Никифор не сдержался, замахнулся на него шестом, Лохов – за пистолет. В это время плот налетел на камень. Изотов не умел плавать... Утонуло все золото. Никифор успел вытащить кошелку с продуктами. У меня разбита нога, кажется, вывих. Кое-как доплелись обратно до самолета.

ПРОБИТОЕ КРЫЛО

Сушкова искали до осени, в основном охотники-промысловики. Выделить для этого самолет не представлялось возможным – шла война, на учете был каждый литр бензина. А к зиме, когда выпал снег, поиски были прекращены. Вскоре самолеты передали в распоряжение Государственного Комитета Обороны, и летчиков гидроотряда перевели в Забайкалье, на станцию Бичура.

Место не ахти какое, голая степь да небо. Есть еще заросшее травой, похожее на заржавевшую тарелку озерко, да на железнодорожной станции хорошо видимый с воздуха ориентир – прокопченная паровозным дымом водокачка.

Круглые сутки гудят на станции рельсы, идут на запад эшелоны, пиликают гармошки. Ситцевой волной выплескивают к вагонам бабы, ребятишки из окрестных деревень – ищут среди солдат родных, знакомых.

На аэродроме свои заботы: едва высунется солнце, раздастся сухой кашель остывших за ночь моторов, заходит ходун-ном устоявшийся над степью воздух и один за другим поднимаются самолеты, улетят на рудники. За день летчики делают по шесть-семь рейсов. Ночью работа техникам – при свете шахтерских ламп снуют они вокруг самолетов: делают профилактику двигателям, клеят заплатки на плоскости, меняют колеса.

Прошел год, и о пропавшем самолете стали забывать. Но тут произошло неожиданное: на Кодарском перевале, почти рядом с аэродромом, с земли был обстрелян самолет Михаила Худоревского. Летал он в Бодайбо с особым заданием – возил с приисков золото. На него в Америке покупали самолеты, которые, как слышали летчики, скоро начнут перегонять на фронт через Аляску. По всей трассе до самой Чукотки началось строительство взлетных полос, аэропортов. Михаил мечтал попасть на эту линию, а пока почти каждую неделю через горные ущелья и перевалы добирался до Бодайбо, получал несколько необыкновенно тяжелых деревянных ящичков, упакованных в брезентовые мешки, грузил в самолете и брал курс обратно. В Бичуре он сдавал груз представителям банка, те на специальной машине увозили золото на станцию.

Все шло у него как по маслу, вплоть до того дня, когда после посадки техник Коля Опарин обнаружил в плоскости крохотную дырку. Сверху на выходе было рваное отверстие величиной с кулак.

– Какой-то шалопай сдуру пальнул в белый свет и попал в самолет, – предположили летчики, разглядывая пробоину.

Но командование группой рассудило иначе. Через день на аэродром нагрянули из особого отдела. Они дотошно расспросили летчика о полете, интересовались, не подходили ли к нему на аэродромах посторонние люди, где и как он сдает груз под охрану в случае вынужденной задержки по трассе.

Дальше – больше. Из Иркутска прилетели военные с собаками, а с ними майор Ченцов, который когда-то занимался делом Сушкова.

– Диверсанты в нашем районе орудуют, – шепотом говорил всезнающий Опарин. – Крупное дело затевается. Облава. Ченцов, этот зря не приедет.

И верно, сразу же после прилета Ченцов зашел к командиру авиагруппы Буркову, попросил списки личного состава.

– Кто это Немых? – спросил он, сделав пометку на листе бумаги.

– Так это Гриша-тунгус, – торопливо ответил Бурков. – Помните, Сушкова искали, он проводником ходил.

– А-а, припоминаю, – нахмурился Ченцов. – Он же никакого отношения к вам не имеет. Зачем держите?

– Жалко парня, – вздохнул Бурков. – Куда ему деться? Один как перст, да и рука у него покалечена. На охоте... Рысь напала, собаку его стала рвать. Стрелять не захотел, боялся собаку поранить. Бросился на рысь, ну она ему руку и покалечила. Мы его у себя оставили, в охране работает. Службу несет не за страх, а за совесть. Тут мы курсы парашютистов открыли. Готовим попутно кадры для фронта. Так он первым записался. Уже сделал пять прыжков.

– Вот как! – скрипнул сапогами Ченцов. – Кстати, как у вас обстоит дело с огневой подготовкой личного состава?

– В конце июля стреляли, – заморгал глазами Бурков. – У нас книга есть, где все отмечено.

Он порылся у себя в столе, затем встал, постучал в стенку.

– Худоревский! – крикнул он. – Принеси майору книгу, ту, что в столе лежит.

– Э, так дело не пойдет, – вновь нахмурился Ченцов. – Распорядитесь установить щиты, а летному составу приготовиться к стрельбам. И охранникам тоже.

Стреляли по силуэтам из винтовок с расстояния сто метров. Бурков стрелял неважно, из пяти патронов – всего одно попадание. Отличился Гриша, все пять пуль легли одна к одной рядом с десяткой.

– Вот вам и инвалид, – усмехнулся Ченцов. – Парашютист и стрелок отменный. На фронт его давно пора.

Вечером состоялся разбор полетов, который проходил в жарко натопленной избе, переоборудованной в штурманскую комнату. Посреди комнаты вокруг длинного, грубо сколоченного стола расположились летчики. Тихо переговариваясь, поглядывали на Буркова. После того как от него ушла жена, постарел Бурков, осунулся, лицо стало будто вылинявшим.

Первому дали слово Худоревскому. Он коротко доложил о случившемся.

– Ты скажи, может, заметил на земле машину, людей? – спросил его Ченцов.

– А кто их знает, товарищ майор, – ответил Худоревский. – Я в полете на землю не шибко заглядываю. Что там смотреть. Я как раз снижаться стал, обороты прибрал. Вдруг

слышу – хлопок, ну точно кто за спиной бутылку шампанского открыл. И самолет дернулся. Грешным делом подумал, воздушный баллон лопнул. На приборы посмотрел – все в порядке. Ну, а остальное вы сами видели.

– Кто, кроме вас, мог знать, что вы везете? Когда вы прилетаете, кто подходит к самолету?

– Нас всегда первыми техники встречают, ну, естественно, охрана рядом. Им по долгу службы положено, – охотно объяснил Худоревский.

– Кстати, в тот день Немых был на аэродроме?

– Нет, – ответил Худоревский, – он на озере уток промыслял.

– Я иногда разрешаю им поохотиться, – поднялся Бурков. – С продуктами у нас плоховато.

– Ясно, – вздохнул Ченцов. Он поднялся, поправил гимнастерку, поглядел поверх голов на стену, где висела карта района полетов. – Товарищи! – громко сказал он, – вы сами видите, какая сейчас в стране сложная обстановка. Немцы подошли к Волге. Тяжело, я вам скажу, там. Здесь у нас под боком японцы. На границе беспокойно. Можно всего ожидать. Поэтому именно сейчас мы должны быть особенно бдительны. Нельзя расхолаживаться.

– Почему нас на фронт не отпускают? – загудели, зашевелились летчики.

– Я думаю, этот вопрос лишний. Вы сами знаете, почему нас здесь держат.

Руки у Ченцова потянулись к груди, пальцы отыскивали пуговицу на гимнастерке, крутанули ее несколько раз.

– А вы не можете сказать, что слышно о Сушкове? – подал голос Худоревский. – Говорят, будто он с золотишком не в Иркутск полетел, а в Маньчжурию подался.

По комнате волнами прошелся гул множества голосов, все впились глазами в Ченцова – что на это ответит чекист?

– Откуда у вас такие сведения? – быстро спросил летчика Ченцов.

– Да так, говорят, – замялся Худоревский. – Лично я этому не верю. Не мог он туда сам улететь. Могли заставить. Вроде бы как один из пассажиров – бывший офицер.

– Бросьте молоть чепуху, – оборвал его Ченцов. – Сопровождающий грузы Лохов – человек проверенный. Сушкова, я думаю, представлять не нужно. Изотов, да, служил в царской армии, но по складу своего характера не мог пойти на такую авантюру.

– Кто его знает, – сказал кто-то из угла. – Недаром говорят, в тихом омуте черти водятся. А тут еще накануне войны. Все могло быть.

– Мы слышали, будто нашли кого-то в летной форме, – вставил слово Бурков.

– Да, прошлой осенью на Лене подняли утопленника, но опознать было невозможно – слишком долго пробыл в воде. А про форму придумали.

Следом за Ченцовым выступил Бурков:

– Правильно сказал майор, бдительность терять нельзя. Нам государство доверяет перевозить вещи, о ценности которых мы порой и не подозреваем. Вот вы здесь говорили: золото, золото. Конечно, и оно имеет ценность, но я должен вам сообщить, что вместе с самолетом пропали важные документы, которые вез Изотов. Топографическая съемка местности, описание будущей железнодорожной магистрали. Несколько лет работы, поисков, маршрутов. Посмотрите сюда, – Бурков подошел к карте, провел пальцем севернее Байкала. – Как известно, Транссибирская магистраль была проложена в начале нашего века. Сразу же после Русско-японской войны. Встал вопрос о создании новой дороги, которая прошла бы севернее прежней. Перед Первой мировой войной провели изыскания. Было несколько вариантов дороги. Они уточнялись, дополнялись, а в последние годы изыскатели получили мощное средство – самолет. Была проведена детальная съемка местности. Сушков после ухода от нас именно этим и занимался.

– Не только этим, – подпустил кто-то из летчиков шпильку.

Бурков покраснел, дрогнули, замерли на полуслове губы, но он все же пересилил себя, все тем же ровным голосом продолжал:

– Сушковым была проведена аэрофотосъемка, уточнены некоторые детали дороги. Сейчас вопрос с повестки снят, но, я думаю, после войны к строительству дороги все равно

вернутся.

На этом разбор был закончен. Летчики высыпали на крыльцо, задымили махоркой. Со стороны железнодорожной станции шел гул вечернего эшелона, и, будто поднятый этим гулом, с озера взлетел косяк диких гусей.

Вечером того же дня был арестован Гриша-тунгус. Его увезли в город на самолете. Вместе с ним улетел Ченцов.

22 июня. Целый день Никифор с Лоховым искали Изотова. Не нашли. Нужно что-то делать. Но что? Меня постоянно преследует мысль: виноват во всем я. Если бы не полез в грозу, если бы вернулся. Как говорил Павел: «Знал бы, где упасть, соломки бы постелил».

НАВОДНЕНИЕ В ГОРОДЕ

В середине января Михаил Худоревский прилетел на замену двигателя в Иркутск. Он сдал самолет техникам, поехал в город к Погодиным. Константин Бурков передал с ним посылку – несколько банок тушенки.

– Если Погодиных нет в городе, разыщи Тамару, отдай ей, – смущенно сказал он.

Город был в тумане. Дома острыми боками резали серый и вязкий, как студень, воздух. Казалось, где-то сломались подпорки, и небо всей тяжестью навалилось на землю, прогнуло провода, крыши домов, ветки деревьев. Чтобы не потеряться в сырой мгле, деревянные дома сцепились заборами и, держась друг друга, как в хороводе, шли к реке. Холодно и безлюдно на улицах. Лишь в стороне предместья, куда шел Худоревский, сквозь туман видно какое-то движение. С соседней улицы бежали ребяташки. Вдруг качнулся воздух, ударил спрессованным звуком, с проводов посыпался на землю снег.

– Что это? – встревоженно спросил Худоревский у ребяташек.

– Заторы взрывают. На Ангаре наводнение. Обмороженных на машинах в госпиталь возят, – бойко выпалил один из мальчишек.

В сорокаградусный мороз выпер наружу донный лед, чуть

ниже города забил протоки, река вспухла, разливаясь, зацепила нижние дома. Худоревский видел, как дымящаяся вода расплзалась по огородам, съедала снег, бились о завалинки оплавленные льдины. На крышах домов копошились люди. В конце улицы на пригорке стояла санитарная машина, от домов к ней подплывали лодки, ссаживали на твердую землю людей.

Спасательными работами руководила молодая женщина в черном дубленом полушубке. Помогал ей высокого роста санитар. Он выуживал из лодок скрюченных ребятишек, кутал в суконные одеяла и относил их в машину. Женщина сидела на фанерном ящике; спрашивала у санитара фамилии пострадавших и, согревая дыханием пальцы, записывала в блокнот. Худоревский направился к ней, намереваясь попросить лодку, чтобы сплавить к дому Погодиных. Женщина мельком посмотрела на него и, вздрогнув, медленно опустила руки.

– Михаил, откуда ты взялся? – растерянно проговорила она.

– Тамара? Вот не ожидал! – воскликнул Худоревский. – Я в командировке, самолет в рембазу пригнал. Константин Петрович просил к Погодиным заскочить.

– Погодиных в Иркутске нет, – ответила Буркова. – Анна с ребятишками в деревне, Николай – на фронте. В их доме эвакуированные живут. – Тамара заправила волосы под платок, торопливо добавила: – Анна Сережку из детдома к себе

забрала и в деревню уехала.

К Бурковой подошел санитар, глянул исподлобья:

– Там парнишку привезли. Совсем плохой, лицо шибко померзло. Говорит, живет с бабушкой. Она вчера куда-то за хлебом уехала, а он один в холодном доме сидел.

– Ты подожди, я быстро, – сказала Тамара Худоревскому. Она открыла брезентовую сумку, достала бутылочку со спиртом, подошла к лодке, стала осторожно протирать распухшее лицо ребенка.

На мальчишке была серая фуфайка, на шее болтался табачного цвета шарф, на голове солдатская шапка. Из припухших щек на Буркову смотрели темные голодные глаза.

– Ну вот, кажется, все, – осмотрев его, сказала Буркова. – Только не реветь! Сейчас отвезут в больницу, там накормят.

Санитар поднял мальчишку на руки и, тяжело ступая по мокрому снегу подшитыми резиной валенками, направился к машине. Буркова остановила санитаря.

– Как фамилия мальчика?

– Сапрыкин Федя, – тихо ответил мальчишка.

Буркова хотела что-то еще спросить, но передумала.

Нахмурившись, сказала:

– Вот тоже напасть. У людей и так есть нечего, а тут все подполья затопило, а в них картошка. Чем жить будут...

Вновь колыхнулся воздух, качнулась под ногами земля.

– Лед взрывают. – Тамара скосила глаза в сторону Ангары. – После обеда, если туман разойдется, будут бомбить с

самолета. Живем прямо как на войне.

Она замолчала, вытерла рукой заиндевевшие ресницы. Худоревский с любопытством смотрел на нее. Она совсем не изменилась, стала даже еще красивее.

Поколебавшись немного, он снял со спины вещмешок, развязал тесемку и достал несколько банок тушенки.

– Погодиным вез, возьми, пригодятся. Техники мне за нее шерстяной отрез на костюм предлагали и бутылку спирта в придачу.

Она мельком взглянула на тушенку, кивнула головой в сторону машины:

– Ты ее лучше ребятишкам отдай. Голодные они. Некоторые по двое суток ничего не ели.

– Не пропадут, – махнул рукой Худоревский. – О них власти побеспокоятся, накормят.

– Тебе в город? – спросила Буркова.

– Если пригласишь, то могу к тебе заехать. У меня два выходных.

Она быстро, снизу вверх, посмотрела на него и, будто извиняясь за свою недавнюю растерянность, сказала:

– Я, когда тебя увидела, чуть в обморок не упала. Похож ты на Васю, особенно в этой форме, и ростом одинаковы. Ходил он так же размашисто, руки туда-сюда. Ничего не слышно о нем?

– Нет, Тамара, ничего. Недавно банду ликвидировали. Орудовали неподалеку от нашего аэродрома. Среди трофеев

нашли ракетницу и авиационные часы. Такие у Сушкова в самолете были. Может, и он с ними был.

– Ну, это ты брось! – вспыхнула Тамара.

– За что купил, за то и продаю. Был среди наших такой разговор.

Худоревский забрался в переполненный детьми кузов, присел возле заднего борта. Впереди взревел мотор, клацнули у машины борта, глухо побрякивая банками, запрыгал в ногах летчика вещмешок. Холодный воздух обмел лицо и загулял, заметался по кузову, высеивая серую, точно пепел, снежную труху.

23 июня 1941 г. Утром ушел Лохов. Даже как-то легче стало. Я никогда не пойму таких людей. Неужели ради золота можно не пожалеть жизни, пойти на все? Я уверен, он бы стал стрелять тогда в самолете, если бы мы притронулись к ящикам. Мы дали ему его долю продуктов, банку с тушенкой. Я сказал: «Выйдешь к людям – сообщи, что и как».

Почему я раньше не завел семью? Жил какой-то бездумной жизнью: день прошел – хорошо, о завтрашнем не думал. Казалось, впереди будет еще столько времени – все успею. Когда мы падали в тайгу, Изотов не за себя испугался, а за детей. Этот страх сильнее собственного. С кем они останутся, если он погибнет? К ним он летел.

24 июня. После обеда осмотрели самолет. Никифор покопался в двигателе, потом запустил его. Работает, даже не

верится. У меня мелькнула мысль – залатать днище бензином и взлететь. Но на взлетном режиме двигатель трясет. А так у лодки повреждения небольшие. При наличии инструмента можно отремонтироваться за полдня.

25 июня. Наша одежда оказалась неприкосновенной к таким перегрузкам, поистрепалась вся. Хорошо, что у Никифора есть иголка с нитками. Как мог привел себя в божеский вид. Ботинки Никифор чинит контрольной проволокой. Вообще, мне повезло с бортмехаником. Я не знаю, что бы делал без него.

Никифор каждое утро уходит вниз, за порог, и собирает там новый плот. Я лежу около самолета. Если бы не моя нога, можно было бы идти пешком. На нее смотреть страшно. Видно, началось заражение. Ночью совсем не сплю.

Топор мы утопили. Никифор находит поваленные деревья и костром режет деревья на части. Светлая головушка! Я вот смотрю на него и думаю: будь у него высшее образование, большим человеком мог стать. Ученым или инженером. Я как-то сказал ему об этом, он засмеялся: «А кто, – говорит, – работать тогда будет?» Потом погрузился и добавил: «Вот Федьку выучу – без образования сейчас никак нельзя. Век моторов». А мы здесь как в каменном. Что там, на Большой Земле?

26 июня. Я убежден, профессия выбирает людей. Бывает и наоборот. Лишь бы человек был на своем месте, лю-

бил свое дело. Дело – вот что объединяет нас. Страшно, когда человек живет не свою – чужую жизнь. Михаил Худоревский, например. В торговле ему бы равных не было. Вот бы кому попасть сюда, в тайгу. Жратвы бы хватало на год. Запасливый, черт. Но он не летчик. В данном случае произошло какое-то недоразумение. А жаль. Я бы хотел, чтоб мой сын был таким, как Павел Жигунов.

27 июня. Никифор связал плот. Говорит, завтра отчалим. Скорее бы. Кормит меня из ложечки, а сам дошел – кожа да кости. Продукты кончились. Едим черемшу. Никифор ухитряется ловить рыбу. Я спрашиваю: как тебе это удастся? Он смеется: говорит, на это не надо иметь высшего образования, хватит среднего соображения. Из прутьев сделал морду. Попадается разная мелочь.

Через месяц мне будет двадцать шесть. Вроде бы еще вчера пацаном был. Если бы человеку было дано знать, что с ним будет, скажем, через день или год, как бы он, интересно, себя вел? Я не жалею, что попал в авиацию. Самолет дал мне все: любимую работу, друзей. Такие слова, как «Иркутск», «Бодайбо», для меня не пустой звук. И еще я видел свою страну сверху. Разве этого мало?

28 июня. Что такое авиация? Какая она на сегодняшний день? Фактически мы со своими самолетами еще учимся ходить – авиация только что родилась. Морской флот силен традициями, а у нас они еще только складываются. Кабина самолета определяет все; тут все видно, все на гла-

зах, какой ты и чего стоишь. Самолет проверит и оценит. Бортмеханик и летчик – это одно целое, одна семья. И этим мы сильны.

Лежу один. Никифор ушел вниз по реке на разведку. Кругом море зелени – лето. Небо отсюда – крохотный клочок – такое непривычное и далекое. Засосала нас тайга в самое нутро. В чем мы провинились перед ней? И выпустит ли она нас?

Порой мне кажется, что мир начался с меня, с моего рождения, что до этого ничего не было. А вот посмотрю на свой самолет и начинаю понимать, сколько веков прошло, сколько усилий было затрачено, прежде чем появился этот аппарат. Пройдет еще несколько десятков лет, и уже другие самолеты будут, и другие люди поведут их. Но все равно, наш опыт, наши аварии помогут им летать лучше и выше.

29 июня. Неужели все в жизни спланировано заранее? Так почему мне никто не объяснил, зачем я появился на свет и зачем сижу здесь?

Все надо вытерпеть и выбраться отсюда. Я еще нужен. Особенно сейчас, когда в воздухе пахнет порохом. Эта мысль сохраняет мне силы. Интересно, кем будут мои дети? Ведь я почти не помню своих родителей. Отец погиб в Гражданскую, мать умерла от тифа. Вот детдом хорошо помню. От отчаяния до надежды один шаг, даже меньше. Я балансирую как раз на этой призрачной полоске. Ничего, выкарабкаюсь. Где наша не пропадала.

30 июня. Сегодня вдруг вспомнил, как я попал в летное училище. Мы с Павлом тогда в кавалерии служили. Приехали как-то начальство, нас построили. Кто, говорят, желает в авиацию, два шага вперед. Видимо, считали, что между конем и самолетом большой разницы нет. Мы с Павлом переглянулись и вышли. Все просто, всего два шага. Был кавалеристом, стал летчиком, а вот теперь еще робинзоном. Никудышным, правда. Для бывалого человека тайга, говорят, мать родная. Для нас – мачеха. Сил уже почти нет.

1 июля. У меня, кажется, гангрена. Я боюсь в этом сознаться самому себе. Отнимут ногу, я уже не летчик. А это все.

СЕРГЕЙ ЖИГУНОВ В СЕМЬЕ ПОГОДИНЫХ

Прошло одиннадцать лет. У Погодиных четверо детей, и все они уже школьники. Сережка идет в пятый класс, в новую школу. Для Анны новые заботы. Шутка ли сказать, отправить сразу такую ораву! Всех одеть, обуть надо.

Сберегла она для такого случая немного денег. Самой в город ехать некогда, послала за покупками мужа. Погодин охотно согласился, ему как раз нужно было на барахолку: задумал он баян собрать. Где-то достал полуразбитый корпус, выточил клавиши, склеил прохудившиеся меха. Оставалось дело за планками. Алюминиевые, собранные из отдельных пластин, он забраковал сразу. Ему нужны цельные, латунные, весь секрет в них, тогда голос у баяна выходил особенно звонкий – на всю улицу.

Встав пораньше, Погодин принялся было искать палочку, чтобы измерить Сережкину ступню, но потом, поразмыслив, махнул на свою затею рукой:

– Мать, – громко сказал он, – лучше я его с собой возьму, а то опять не тот размер куплю.

Сережка, делавший вид, что спит, соскочил с кровати, торопливо натянул штаны.

Анна заставила его выпить кружку молока, достала деньги, засунула их Сережке в карман.

– Смотри не потеряй, – застегивая карман булавкой, сказала она. Оглянувшись на мужа, хмуро добавила: – Так вернее, ты у меня из доверия вышел: увидишь какую-нибудь железяку – про все забудешь.

Погодин помалкивал, нетерпеливо поглядывал на часы, боялся опоздать на автобус. И, как это часто бывает, им не хватило одной минуты. Едва они вышли на улицу, за магазином, там, где была остановка, заполняя тихие улицы, разнесся шум мотора, над заборами в сторону города поползла серая полукруглая крыша автобуса. Следующий должен быть через час, и, чтобы не терять времени, Погодин с Сережкой свернули в ближайший переулок и пошли пешком на железнодорожный вокзал.

За поселком тропинка, словно боясь замочить ноги, посуху обежала озерко и, поплутав среди кочек, нырнула в кусты боярышника. Небо пропало за листвой, сделалось сумрачно. Утреннее солнце стригло лишь самые макушки. Сережка, хлопая отсыревшими гачами, носился от одного куста к другому, рвал боярку. В низинах ноги у него провалились в мягкую, как тесто, землю, и она, вьюном проскальзывая меж пальцев, пачкала штаны. Он травой очищал ноги и, поблескивая сизыми пятками, догонял отца.

Часам к девяти они добрались до железнодорожного вокзала, сели в переполненный трамвай. Вобрав в себя людей, трамвай перемахнул через мост, заскользил меж каменных многоэтажных домов, изредка притормаживая на перекрест-

ках. Где-то уже в пригороде, среди деревянных улиц, он остановился, выметал из себя людей, затем развернулся и устало заскользил обратно под гору.

Топая за отцом, Сережка крутил головой, разглядывая незнакомые, по окнам вросшие в землю дома, и казалось ему, будто они смотрят на всех исподлобья. Шли они по деревянному тротуару, под ногами покачивались гладкие теплые доски, идти по ним – одно удовольствие.

Барахолку Сережка увидел не сразу. Вначале, заслоняя небо, показалась красная кирпичная церковь, затем он услышал приглушенные голоса, крики. Около ворот продавали пиво. Вдоль забора стояла длинная очередь. В конце ее бабочкой-капустницей порхала в окошке накрашенная продавщица.

Погодин прошел было мимо, по потом не выдержал, приостановился, облизнул пересохшие губы, снял фуражку, вытер рукавом вспотевший лоб, посмотрел на Сережку, на солнце и пристроился в очередь.

Неподалеку от пивного ларька сидели калеки. На земле лежали фуражки, внутри которых Сережка разглядел мелочь, смятые рубли. Толпа сквозила мимо, калеки цепляли языком женщин, несли похабщину. Поскрипывая новой кожаной курткой, прошел летчик, скользнул взглядом вдоль забора, еще куда-то в толпу.

– Эй, летун, отбомбись! – крикнул сидящий с краю инвалид. – Если денег нет – рядом садись.

Летчик достал из кармана мелочь, не глядя, сыпанул в шапку. Из очереди, со смятым в улыбке лицом, выскочил Погодин.

– Мишка, Худоревский! Мать твою за ногу. Какими судьбами?

– Алексей, ты что здесь делаешь? – удивленно воскликнул летчик.

– Понимаешь, ищу латунные планки. Который раз приезжаю – и все впустую.

– Все на гармошке играешь. А почему не в аэропорту? Погодин забежал глазами, смущенно пробормотал:

– Тут, знаешь, такое дело: ездить далеко, а квартиры нет. Да и хозяйство у меня – корова, поросят, куры.

– Вот оно что, – протянул Худоревский. – Тебя я, считай, с самого начала войны не видел.

– Ага, точно, – радостно зачастил Погодин. – Вас тогда в Забайкалье перевели, а меня на фронт взяли. Тебе, я слышал, не пришлось повоевать.

– Мы тоже зря хлеб не ели, – заметил Худоревский. – Хлебнули мурцовки. Меня, может, слышал, на Кодарском перевале чуть не сбили. – Он достал пачку папирос, вышлепушил одну. Погодин торопливо вытащил зажигалку, высек огонь.

– Трофейная, – похвалился он.

Летчик взял зажигалку, с интересом оглядел.

– У меня тоже есть, японская. В Харбине, в сорок пятом,

я у китайцев выменял. Мы туда летали. Так что ты ищешь?

– Планки. Планки латунные.

– Могу подсобить. Есть тут у меня один знакомый мастер.

– Да чего мы тут стоим, – радостно воскликнул Погодин. – Пойдем пивка выпьем! У меня как раз очередь подходит.

Сережка зашел за угол пивного ларька, присел у забора на фанерный ящик. От нечего делать стал смотреть на снующих мимо людей, на ржавый, побитый камнями купол церкви, на темные, залитые голубиным пометом окна. На карнизах росла трава, чуть выше из трещины, вкось расхлестнувшей кирпичную стену, свесилась крохотная березка. По крыше бродили голуби, время от времени падали в гущу людей, что-то хватали там и взмывали обратно.

Неподалеку качнулась доска, отошла в сторону. На территорию барахолки пролез толстый мальчишка. Засунув руки в карманы драного пиджака, он равнодушно посмотрел на сидящего в задумчивости Сережку. Черные плутоватые глазки, будто из рогатки, стрельнули в сторону калек и тут же спрятались, скрылись в заплывших щеках.

Не по себе стало Сережке от такого соседства, нутром почувствовал надвигающуюся опасность. Он хотел, пока не поздно, улизнуть за угол пивного ларька, но откуда-то сверху, с забора, горохом сыпанули ребятишки, обступили его. Возле бока змеей скользнула чья-то рука, сухо щелкнула булава. Резко обернувшись, он поймал за рубаху тощего, одни кости, огольца. Тот головой боднул Сережку в лицо, хотел

взять, как говорили ребяташки, на калган. Сережка успел увернуться, голова мальчишки скользнула по щеке. Увидев, что пацан вытащил деньги, он повалил его на землю.

– Отдай! – безнадежно заорал он.

– Федька, наших бьют! – взвыл пацан, пряча под живот руки.

Тут налетели остальные, замолотили кулаками по Сережкиной спине. Где-то рядом закричали люди. Шпану как рукой сняло, затрещали доски в заборе. Подняв себя воем, Сережка бросился за мальчишками, но они были уже далеко. Серый косяк летел по пустырю, пузырились на ветру рубашки, мелькали грязные босые пятки.

Все произошло быстро и грубо. Ограбили среди бела дня, на виду у целого мира. Наметанный глаз увидел булавку – значит, там что-то спрятано, зря застегивать карман не будут. А теперь, когда дело сделано, ищи ветра в поле.

Размазывая по щекам слезы, Сережка вернулся на барахолку. Неожиданно он натолкнулся на Ваську Косачева – сына бакенщика. Жили они недалеко от Погодиных, на берегу Ангары. Васька стоял за прилавком, размахивая цветастым ситцевым мешочком:

– Покупайте табак «Самсон»! – громко кричал он. – Табак «Самсон», как курнешь, так заснешь, как вскочишь, так еще захочешь!

Он заметил Сережку, замолк на полуслове, рука с мешочком крутанулась в воздухе и исчезла за спиной.

– Серега, ты чего здесь делаешь? Чего ревешь?

– Деньги отобрали, – всхлипывая, признался Сережка. – Скопом кинулись, поодиночке я бы им всем навтыкал.

Косачев шмыгнул носом, что означало: не разевай, мол, рот, но все же не утерпел, поинтересовался:

– Много денег?

– Мать на ботинки положила, пятьдесят семь рублей.

– О-о, дело серьезное, – протянул Васька. – Кто такие?

– А, толстый такой пацан. Морда кирпича просит.

– Федька Сапрыкин, его работа, – уверенно заявил Васька.

– Ты че, его знаешь?

– Да он из нашего предместья. С бабкой живет. В последнее время больше в городе промышляет.

Васька на секунду задумался, затем предложил:

– Вот что, пошли со мной, я знаю, где они собираются. Заберем деньги.

Последние слова Косачев произнес неуверенно.

– Так они и отдадут тебе, – буркнул Сережка.

– А куда он денется!

– Я с отцом. Потеряет он меня.

– А так выдерет.

Протискиваясь сквозь толпу, они двинулись в сторону церкви. От старого тряпья, кучками разложенного по земле, несло затхлостью, нафталином; торговки настороженно следили за ними, не стащили бы чего.

– На барахолке два дурака – один продает, другой покупа-

ет, – на ходу говорил Васька. – Сейчас мыло в цене, иголки. Эх, если бы кремней для зажигалок достать – озолотиться можно.

Возле церкви он быстро оглянулся по сторонам, затем легко и привычно бросил свое худое тело в окно. Над головой просвистели напуганные голуби. Пахло сыростью, известкой, битым кирпичом. Васька цепко схватил его за руку, повел куда-то в темноту. Через несколько секунд они очутились в маленькой, чем-то напоминающей чулан комнате. Возле стены стояли две кровати, на чурочках лежали доски. Косачев пошарил по углам глазами, выглянул на улицу.

– Смылись, – разочарованно протянул он. – Но ничего, деньги он сам принесет. Вот увидишь.

Они вернулись к ларьку, но Погодина там уже не было.

– Ничего, одни доедем, – уверенно сказал Васька. – На трамвае до вокзала, а там на попутной.

Сказано – сделано. Побродив еще немного по барахолке, они сели в трамвай, на этот раз он был почти пустой. Вот наконец-то Сережка увидел город. С домов на дорогу смотрели каменные львиные морды, каменные люди держали балконы.

– Ты в торгсине был? – неожиданно спросил Васька. – Классный магазин! Все можно купить. Только на золото.

– Нет, не был, – ответил Сережка. – А где это?

– Там, – махнул в сторону домов Васька. – Если хочешь, можем сходить.

– Нет, мне домой надо.

– Приходи с ночевкой, – сказал, прощаясь, Васька. – Сходим на рыбалку.

Сережка уже спал, когда приехал отец. Сквозь сон слышал, как он заглянул в комнату, о чем-то шепотом спросил мать.

– Напился, бросил ребенка, – принялась она ругать мужа. – Беззаботная твоя головушка. Только о себе думаешь. Когда ты будешь жить как все люди? Мужики-то на производстве работают. Один ты как неприкаянный с места на место летаешь. Мне людям в глаза стыдно смотреть.

Скукой наливается лицо Погодина. Каждое лето на этой почве у них с Анной скандалы. Ни к чему не лежит у Николая душа, мотается он с одного предприятия на другое, в трудовой книжке уже нет свободного места. Это лето просидел на чердаке: там у него оборудована мастерская, где он делает совки для сбора ягод, гнет из фанеры легкие, как пушинка, горбовики, вытачивает охотничьи ножи. Да хоть бы с этого был доход, а то придут к нему мужики, покажет им Николай свою работу, те начнут охать да ахать, а он растает и отдаст им все за так. Хорошо, если кто догадается бутылку поставить, но через нее еще больше скандал. Тут баян надумал собрать, деньги нужны, а где их взять? Семья большая, весь доход – зарплата Анны да Сережкина пенсия.

– Не могу я, Аня, без самолетов, – признается Погодин. – Вот увидел сегодня Мишку Худоровского. Посидели, поговорили. И ты знаешь, захлестнуло сердце, будто кипятком

окаатило. Так к ребятам потянуло! Давай, может, в аэропорт переедем?

– А жить где будем? Ты об этом подумал? – остановила Анна мужа. – Видите ли, окаатило его! Водка тебя окаатила, – снова распалилась она. – Ты хоть знаешь, парнишку хулиганы избили и деньги вытащили. Приехал – живого места нет. В чем ребяташек в школу отправлять будем?

– Не шуми, мать, – вяло отбредивался Погодин. – Я ведь его по всему городу искал. Ничего, как-нибудь выкрутимся.

Анна с усталой и уже беззлобной усмешкой посмотрела на мужа. Уж кто-кто, а она-то знает: выкручиваться опять придется ей.

На другой день сняла с себя Анна золотые сережки, завернула в тряпочку и поехала в город. К вечеру привезла ребяташкам ботинки, портфель, тетради – все, что положено иметь школьнику.

ИЗ ЖИЗНИ ФЕДЬКИ САПРЫКИНА

Через несколько дней Федька Сапрыкин, как и обещал Васька, вернул деньги. Сделал это не сам, а передал через Косачева. И с того дня прилип он к ребятам. Едва появится солнышко, он уже сидит на бревне и стучит по нему камнем, дает условный знак.

Интересным парнем оказался Федька. Жил самостоятельно, ходил куда вздумается, ночевал где придется. Любил путешествовать на товарняках. Даже в Москву пробовал укатить. Жаль, дорога длинная – шансов попасться много. Но и так забрался далеко, сняли за Красноярском. Рассказывал, например, что отец у него был летчиком, потерялся где-то на Севере. Ребята слушали, открыв рты, недоверчиво хмыкали.

– Можете у моей бабки спросить, – обиженно говорил он. – Я вот денег подкоплю, искать поеду.

На чердаке бабкиного дома, где жил Федька, была целая библиотека. Каких только книг здесь не было! Затертые до дыр, без переплета, валялись они в углу, в пыли. Отдельно на подоконнике лежали старинные книги в кожаных переплетах.

– Эти не трогайте, – предупреждал Федька, – они на продажу.

– А про летчиков есть? – спрашивал Сережка.

– Про летчиков на толевой фабрике, – щупал друзей

взглядом Федька. — Если желаете, то можно слазить.

Толевая фабрика находилась рядом с предместьем. Черную длинную трубу, говорили, можно увидеть из самого города. На территории фабрики за забором находился склад утильсырья, который состоял из двух частей: бумажного и тряпичного. Этот склад для поселковских ребятишек будто медом намазали. В бумажном отделе хранились списанные из библиотек старые книги, подшивки журналов, газет. Если покопаться, то можно было найти шитые золотом офицерские погоны, царские бумажные деньги, кругляши телеграфных лент, пачки неиспользованных железнодорожных билетов.

Мальчишки забирались на склад, таскали телеграфные ленты, бросали их через провода, цепляли на рубашки погоны, но больше всего притягивали, конечно, книги.

Сторожила склад Федькина бабка, толстая и неповоротливая. При ней ребятишки лазили без опаски, она не могла подойти, подкрасться незамеченной, кричала загодя. Побросав книги, они прыгали через забор, скрывались в ближайшем кочкарнике. Заколачивая дыры, бабка громко ругалась, ее голос далеко разносился над болотом. Этим обычно все и заканчивалось. Очень часто бабка ложилась в больницу, и тогда склад сторожил Гриша-тунгус. При нем ребятишки не лазили на фабрику, боялись его хуже домового. Но с Федькой, конечно, действовать можно смело, на фабрике он, считай, свой человек.

– Только договоримся так: мне лазить нельзя, бабка узнает – убьет. Я буду караулить. Чуть что – дам сигнал. Себе можете брать что хотите, – разрешил Федька, – мне – книги в кожаных переплетах.

На другой день ребята собрались за поселком напротив толевой фабрики. Сидели в боярышнике, поглядывая на длинную фабричную трубу, ждали, когда она перестанет дымить и уйдут рабочие, тогда они на плоту переплывут через озеро.

– Не бойтесь, – успокаивал их Федька. – Сегодня бабка дежурит, ушла с утра, сам видел.

Ребята благополучно пробрались на склад, стали развешивать тюки с макулатурой. Где-то рядом под тюками бегали, шебаршили мыши. А когда по крыше склада забарабанил редкий дождь, ребята осмелели: кому в непогоду вздумается проверять, что делается на складе? И просчитались. Неожиданно открылась дверь, нарисовался Гриша-тунгус. Черное, прокопченное, как шайба, лицо сияло охотничьей улыбкой:

– Попался, голубчик!

Внутри у Сережки все оборвалось, он бросил взгляд на спасительную дыру – до нее было далеко. Васька, застывший за тюком макулатуры, умоляюще смотрел на него. И тогда Сережка пошел к сторожу. У Гриши от удивления вытянулось лицо, обычно шпана бросалась кто куда, а тут попался сознательный. Он положил руки на Сережкино плечо и повел его к проходной.

Сыпал дождь. Черная труба фабрики, будто штык, вспарывала низкие облака, и оттуда, не переставая, лилось на землю. Где-то сзади брякнула доска в заборе, и Сережка завистливо вздохнул: Васька был на свободе.

«Чтоб ему сгореть на том свете, морде бандитской. Чуть что – я свистну», – мысленно костерил он Федьку. На душе было гадко и тоскливо, а боялся он одного: как бы Гриша не повел его в школу. Тогда, считай, труба дело, как пить дать, вытурят.

Возле проходной Гриша замедлил шаг, снял руки с плеча, достал из кармана пачку папирос, сунул одну в зубы, вытащил коробок, прижал его к груди, чиркнул. Сережка стрельнул по сторонам глазами. Проходная рядом: несколько прыжков – и на улице, но он знал, еще никто не уходил от тунгуса. Крепок, как лось, Гриша на ноги, бросишься убежать – только усугубишь дело.

Затянувшись, Гриша снова посмотрел на Сережку.

– Ты чей будешь? – строго спросил он.

– Погодиных...

– Это Николая Погодина, что ли?

Сережка молча кивнул головой.

– Что хотел-то? – помолчав немного, уже мягче спросил Гриша.

– Книгу про летчиков, – выдавил из себя Сережка.

Деревяннo переставляя ноги, он плелся за Гришей, все еще слабо надеясь, что там, куда ведет его тунгус, сидит

Федькина бабка, авось она пожалеет его и отпустит с миром.

В сторожке было на удивление чисто. В углу комнаты стоял покрытый газетой столик. На нем электрическая плитка, чайник. На подоконнике в поллитровой банке вилки, ложки. Но самое главное, что отпечаталось в голове, — шарниры и шпингалеты... Окно было не глухое. За ним мокла полынь, а чуть дальше, качаясь, горбился под дождем тальник. Вот там-то уж Грише не угнаться за ним.

Сторож присел на корточки, начал вытаскивать из-под топчана книги. Все они были с того склада, откуда только что привели его самого.

— Вот здесь про самолеты, — протянул он книгу Сергею. — Только на склад не лазь. Узнают в школе — ругать крепко будут.

«Не скажешь, так не узнают», — подумал Сережка. Он понял, ничего плохого Гриша ему не сделает. И верно, подержав еще несколько минут, сторож отпустил его. Друзья мокли под дождем, поджидая в боярышнике. Федька выглядел сконфуженным. Оттопырив губы, оправдывался:

— Сам видел, как она пошла на работу. Ей-богу, не вру. Век свободы не видать. Я ей покажу, чтоб не обманывала.

Не знал еще Федька, что с бабкой произошла беда. Сразу же после обеда ей стало плохо, ее увезли в больницу. Со всем осиротел Федька Сапрыкин. Несколько дней он ночевал у Косачевых, потом его забрали в детдом.

ВАСЬКИНА ТАЙНА

С вечера друзья собрались на рыбалку, накопили червей, приготовили снасти. Чтобы не опоздать на утренний клев, решили спать на чердаке у Косачевых. Там на соломе лежал матрас, поверх него ватное одеяло. Вместо подушек – старые фуфайки. Подсвечивая фонариком, ребята забрались под одеяло, поелозили по матрасу, отыскивая телом место поудобней, и притихли.

Темнота пришла не сразу, она стала укладываться на ночь по частям: сначала в чулане, потом устроилась в собачьей конуре, потом перебралась и на чердак, выждав свой час. Где-то рядом сонно заворковали голуби, сквозь узкую щель на крыше глянул желтый, как самородок, кусок луны.

– Вась, что бы ты сделал, если бы нашел клад? – неожиданно спросил Сережка.

– Я бы конфет купил, шоколадных, – помедлив, сказал Васька. – Килограммов пять, и наелся бы до отвала.

– А я бы матери кольцо купил и сережки, а отцу баян с латунными планками. Только где его, клад, найдешь... Наверное, золота на луне много. Вон как блестит. Вот Федька Сапрыкин находил. В прошлом году возле церкви площадку ровняли. А там раньше кладбище было. Федька крест нашел золотой. Только у него отобрали. Он мне сам рассказывал.

– Федька совет, так недорого возьмет, – зевнул Васька. –

Ты че, его не знаешь?

Он поелозил по матрацу, вдруг отбросил одеяло в сторону, встал на колени.

– Дай слово, что никому не скажешь!

– А что такое?

– Ну поклянись, поклянись!

– Что я, брехло? – обиделся Сережка. – Не хочешь, так не говори.

Косачев почесал голову, коротко вздохнул, поднялся и, согнувшись, пошел в глубь чердака. Тихо скрипнула доска, брякнула жестянка. Сережка, притихнув, ждал. Васька притащил небольшой узелок, быстро засунул его под одеяло.

– Давай фонарь, – шепотом приказал он. – И только не ахать.

В узелке оказалось четыре исковерканных куска хозяйственного мыла и тронутая ржавчиной жестяная коробка из-под чая.

– Ну и что? – разочарованно протянул Сережка.

Васька молча посмотрел на него, открыл коробку. Она была наполовину засыпана желтым, жирноватым на взгляд песком. Такого разнокалиберного странного песка Сережка раньше не видел.

– Что это?

– Золото. – Васька сглотнул слюну. – Самое настоящее. На, поддержи. Видишь, какое тяжелое.

– Где взял? – ошеломленно спросил Сережка.

– Где взял, там уже нет, – тихо засмеялся Косачев. Он забрал у Сережки банку и закрыл крышкой.

– Ты только никому! Понял?

– Да ты что, могила!

– В церкви я его нашел, в той, где Федьку искали. Табак я не захотел вечером везти домой и стал искать, где бы его спрятать. И нашел это. Думал, здесь одно мыло. Притащил домой, решил на куски разрезать, а в мыле камушки желтые. Тут я и догадался – чья-то передача.

– Ну, так ты бы в милицию отнес.

– Я поначалу так и хотел сделать, а потом страшно стало. Спросят, откуда взял.

– Может, отцу сказать?

– Ага, ему скажи! Голову оторвет. – Васька тяжело вздохнул. – Ну ладно, наговорились, а то еще проспим.

И проспали бы, если б не голуби. Какой-то шалопай свалился с шестка, захлопал крыльями, уселся неподалеку от ребят. Сережка открыл глаза. Через чердачную дверку глядело розовое утро, острыми прямыми зубами солнце бесшумно прокусило крышу и завязло в поднятой голубем пыли.

– Проспали! – охнул из-под одеяла Васька.

Они быстро оделись, спустились во двор. Из будки высунулась собака, увидев Ваську, радостно заблестела глазами. Забрав удочки, припасы, они через огород спустились к Ангаре. От воды несло сыростью, илом. На широкой, без еди-

ной морщинки глади, точно сонные мухи на стекле, уже торчали лодки; лишь изредка шевельнется тонкая ножка удилища, солнечным зайчиком сверкнет хариус, и снова все замирает.

Засучив гачи, ребята побрели через протоку на остров. Под ногами скользили обросшие тиной холодные камни, поднятые течением песчинки забивались меж пальцев, покалывали кожу.

Место, где собирались рыбачить, было уже занято. За широким и густым кустом тальника на обжитом вытоптанном уступчике расположился Гриша-тунгус. В черном пиджаке и такой же черной фуражке сидел он у воды, как обгорелый пенёк, не шелохнувшись. Ребята некоторое время смотрели на Гришу. Рыбачить рядом с ним – одно расстройство. Тунгус знал какое-то слово, рыба к нему сама шла. Вот и сейчас Гриша замер; спина выгнулась дугой, рука напряженно застыла на удилище.

У Васьки от злости свело лицо, он нащупал под ногами булыжник и в самый последний момент, когда поплавок у Гриши пустился в плясовую, швырнул в воду камень.

– А теперь – ходу, – выдохнул он.

Они юркнули за кусты, легли на траву. Гриша выскочил на пригорок, повертел головой, что-то пробурчал под нос и вернулся на берег.

– Это ему не на толевой, – тихо рассмеялся Косачев, – будет знать, как занимать чужое место.

– Зря ты, он вроде бы мужик ничего.

Васька приподнялся, выглянул из-за куста, затем повернулся к Сережке лицом.

– Я тебе забыл рассказать. Тунгус, – он кивнул в сторону берега, – страшно боится одного летчика. Не веришь? Чтоб мне сдохнуть на этом месте! Сам на барахолке видел. Встретились они около пивнушки. Летчик уже хорошенький был. Гриша увидел его, хотел уйти. А летчик схватил его за рубаху и как закричит: «Ты чего, – говорит, – морда узкоглазая, от меня бегаешь? Думаешь, я забыл, как ты мне дырку сделал? Мы тебя, змею подколодную, пригрили, а ты за это пулю!» Тунгус ему что-то ответил, и летчик отпустил его. А зря. – Васька зло прищурил глаза.

ПИЛОТ ХУДОРЕВСКИЙ

К ноябрьским праздникам к Погодиным на своей машине прикатил в гости Худоревский.

– Мишка! – всплеснула руками Анна. – Как это ты к нам надумал?

– Так вы же не приедете сами, сильно гордые!

– Вот и хорошо, что приехал, кстати, – улыбнулась Анна. – Мужики там кабанчика разделявают. Снимай свою парадную форму, иди помогай.

Михаил поверх куртки натянул фуфайку, пошел во двор. В стайке утробно гудела паяльная лампа, густо несло паленой шерстью, дело подходило к концу.

К вечеру у Погодиных собрались на жаренину. Ребятишки тоже рады гулянке. Чтоб взрослые не вытурили их на улицу, они сбились в углу возле патефона. Но скоро патефон был уже не в силах пробиться сквозь вязкую сеть застольного шума.

Откуда-то появился баян. Погодин ожил, положив голову на корпус, перебрал клавиши, морщился – инструмент расстроен, но деваться некуда, надо играть, гости требуют. Свесив поседевшие редкие волосы, заиграл плясовую.

Худоревский выскочил из-за стола, потянул за собой Анну.

– Где уж мне, – рассмеялась Анна. – Отплясалась.

Из угла выскочила Валька Зябликова, соседская девчонка, покружилась, помахала платком. Худоревский достал из кармана пятерку, сунул девчонке.

– Ай да Валька, молодец! – хвалили за столом гости. – Придет время – Уланову перещеголяет.

– А ну, Сережка, выйди, утри нос девчонке! – крикнул Худоревский.

Сережка сначала отвернулся, потом неохотно шагнул на середину комнаты. Но, взглянув на отца, он подбоченился и пошел вприсядку, выбрасывая худые ноги, а взрослые в такт начинали прихлопывать. Снова выскочила Валька, замахала платком. Сережка тут же перестал плясать и пошел на свое место к патефону.

– Э, да ты че, брат, девки сдрейфил? – закричал Худоревский. – А ну, еще сбай!

– Не хочу, – буркнул Сережка.

Худоревский развел руками, показывая, что уважает чужое мнение. Он вытащил из кармана бумажник, протянул Сережке десятку. Сережка посмотрел на деньги, на Худоревского, швыркнул носом и, пригнув голову, убежал в соседнюю комнату.

– Ты что это, Михаил, придумал? – накинулась на летчика Анна. – Деньгами ребятишек баловать!

– Ничего. Пусть привыкают. Заслужил – получи свое.

– Скажи, Михаил, а сколько летчики зарабатывают? – подал голос молчавший до сих пор бакенщик Никита Коса-

чев. – Ну, я говорю, сколько выходит?

За столом притихли, все ждали, что ответит Худоревский.

– Когда как. У нас ведь от налета зависит. Ну, а в общем, не обижают, – уклончиво ответил Михаил.

Вскоре разговор за столом распался, расползся по углам, каждый отыскал себе собеседника. Худоревский с Погодиным вышли покурить на кухню.

– Вот так и живем, – посматривая в окно, говорил Погодин. – Тайга да подсобное хозяйство выручают. В этом году без орехов остались, кедровка спустила, а с ягодами – ничего, брусники пятнадцать ведер заготовил, десять продали, а пять в бочку на зиму засыпали.

Худоревский молчал и, как показалось Николаю, равнодушно слушал.

Погодин снизу вверх коротко взглянул на летчика:

– Ты не слыхал, Михаил, у нас поговаривают, будто коров в черте города скоро запретят держать!

Худоревский пожал плечами. Погодин тяжело вздохнул:

– Я бы и сам ее сдал. С этим сеном маета одна. Как говорят, ни сена, ни корма – одна кутерьма. Косить не дают, а в продаже нет. Каждый год одно и то же, правдами и неправдами добываем. Если б не ребятишки, давно бы сдал. Да только на одну-то зарплату не проживешь. Получишь ее – и не знаешь, куда деть. А здесь – что на столе, все свое. Да и привыкли мы, Анна без хозяйства, без коровы жизни не мыслит. Мы здесь вроде бы и в городе, и в деревне. А у ребят

каждый день свежее молоко.

– Надо уметь устраивать свою жизнь, – сказал Худоревский. – Ты держись за меня. Мужик ты надежный, и руки у тебя золотые. Одним словом, специалист.

– Правильно. Специалист по горбовикам, – сказала вошедшая на кухню Анна.

– Ну, ты это зря, Анна, – загудел Худоревский. – Я вот помню, вмятины на самолете он выправлял, просто загляде-
нье.

– Я и сейчас правлю, только на машинах, – засмеялся Погодин. – Если тебе нужно, то давай.

– Собственно, за этим я и приехал, – вырвалось у Худоревского. – В прошлое воскресенье помял левое крыло и дверку.

– Сделаю, будет как новая, – пообещал Погодин.

– Беда, Михаил, у нас, – оглядываясь на дверь, тихо проговорила Анна. – Отыскалась Сережкина родня, хотят забрать его к себе. Что делать, что делать, прямо не знаю. Может, ты что посоветуешь?

Худоревский достал из кармана пачку «Казбека», вытащил зажигалку, подаренную Погодиным, прикурил. Затянувшись, он оглядел Анну с головы до ног.

– Сколько у тебя ребятишек? Четверо? Так это и к лучшему, что родня отыскалась. Одним меньше будет. А вырастишь его, он тебе, может, и спасибо не скажет.

– Ой, не говори так, – всхлипнула Анна. – Вот лягу спать

и вспомню про письмо, будь оно неладно, вся душа износится.

– У них все права. Я жигуновскую породу знаю. Что захотят – обязательно сделают.

– Чего ты, мать, этот разговор затеяла? – перебил жену Погодин. – Пошли за стол, гости заждались.

Выпили еще по одной, затянули военные песни. Получалось ладно, громко – до жил на шее. Мужики стали вспоминать, кто где воевал.

– Слушай, Михаил, – подал голос Косачев, ты там поближе к верхам, может, слышал про тех ребят, летчиков, что перед войной потерялись? Сдается мне, все же кто-то из них уцелел, спасся. Не могли они все пропасть.

– Почему ты так думаешь? – поднял брови Худоревский.

– Да не слушай ты его, – махнул рукой Погодин. – Это у него с перепугу. Этим летом Васька, сын его, в церковной нише четыре куска мыла нашел, а в нем золото оказалось.

– Как, золото? – встрепенулся Худоревский.

– Сто пятьдесят семь граммов, – ответил Косачев. – Так мне в милиции сказали.

– Что, неужели отнес? Ну и дурак. Мог бы промолчать. Это же целое состояние.

– Через него он у нас героем сделался, – засмеялся кто-то из мужиков. – Два месяца в милицию таскали.

– А что смеетесь, – обиделся Косачев. – Мне чужого не надо. А здесь дело темное, уголовщиной пахнет. Меня сам Ченцов допрашивал. Вот я и думаю: кто-то остался в жи-

вых. Вот и любопытствую: может, у вас что известно.

– Я думаю так, – помедлив, сказал Худоревский, – Сушков не хотел лететь в Иркутск, не в его это было интересах.

– Это почему же? – спросил Погодин.

– Ты, Николай, будто не знаешь, – коротко глянул на Погодина летчик. – Бурков бы ему за Тамару не простил.

– Съел бы он его, что ли? – нахмурившись, сказал Погодин. – Жену-то он простил, опять сошелся с ней.

– А кому, кроме него, она нужна! – блеснул глазами Худоревский. – Погуляла вволю и обратно пришла.

– Зря ты так, – сказал Погодин. – Ребята рассказывали, когда Василий потерялся, она улетела в Бодайбо. Решила сама искать его. В тайгу ее, конечно, не пустили, в положении она была. Так она до зимы в Бодайбо жила. Дошла до точки. Потом, когда время рожать подошло, за ней родня прилетела, увезли ее в Иркутск. Дочка у нее растет, я как-то встретил их вместе – вылитый Васька. У нее с Василием настоящая любовь была.

– Может, и была, – согласился Худоревский. – Я-то откуда знаю. Пусть живут, расходятся, сходятся... Мне-то до этого какое дело. Чего зря болтать. Нет человека – и не вернешь. Сколько хороших ребят за это время ушло.

Мужики подняли стаканы, потянулись через стол к Худоревскому.

– Опасная у вас профессия, – гудел Никита Косачев. – Сто рублей мне давай – не полечу.

– Ну, а если тысячу?

– За тысячу я бы еще подумал, – почесав затылок, засмеялся Косачев.

ЯГОДНИКИ

Почти во всех дворах, распугивая отяжелевших за лето кур, снуют мужики, достают горбовики, пропахшие дымом фуфайки, свитера, закопченные котелки. Бабы бегают по магазинам, закупают крупу, хлеб, сгущенку. Лето пошло под уклон, над крышами домов висит вялое солнце, с огородов прело пахнет картофельной ботвой, укропом, вода в бочке для поливки огородов позеленела.

По традиции ягодники собираются у Погодиных, он человек бывалый, с ним не пропадешь. Пришла Марья Косачева с Васькой, женщины с соседней улицы, последним – Гриша-тунгус. Садятся на завалинку, шелушат подсолнухи.

Наконец все в сборе, Погодин дает знак трогаться. Идет он впереди, за ним Гриша-тунгус, потом бабы и позади всех Сережка с Васькой Косачевым. Так гуськом, не спеша, идут до вокзала. Там составляют горбовики в круг, ждут поезд. Погодин зашел в вокзал купить билеты. Вскоре показался поезд, но Николая все нет. Гриша беспокожно завертел головой, но Сережка, опережая его, побежал к двери. Отца он заметил возле буфета. Рядом с ним, что-то шепча на ухо, стоял невысокий плотный мужичок. На нем был суконный поношенный китель и замасленная авиационная фуфайка.

– Папка, поезд подходит! – крикнул Сережка.

– А, сейчас иду, – очнулся Погодин.

Он облапал на прощанье мужика и заторопился к выходу.
– Приятеля встретил, Кольку Опарина, – объяснил он Грише.

Поезд трогается. Дорога идет вдоль реки, слева вода, справа горы. Река не отпускает дорогу далеко, держит ее под боком, так ей, видно, веселее. Вскоре дорога круто сворачивает, слева уже не река, а огромное озеро. Где-то на середине крохотной щепкой пристыл кораблик, за ним пунктиром вытянулись красноватые сигары леса. Неожиданно вагон ныряет в узкий, грохочущий темнотой тоннель. Все почему-то отворачиваются от окон, смотреть там нечего.

По ушам ударяет спрессованный воздух, в открытые форточки наносит запахом жженого железа. В нишах тускло мигают лампочки. Через минуту вагоны вылетают из подземелья, звук лопается, пропадает где-то сзади, дорога бежит по склону горы, мимо проносится полосатая будка охраны. Тоннели идут один за другим, ребята было пробовали считать их, но потом махнули на свою затею рукой.

Остановка в Култуке короткая, всего одну минуту. С высоких вагонных ступенек ягодники прыгают на землю, помогают друг другу надеть горбовики и затем спускаются вниз, к автобусной остановке. Погодин уходит к чайной, там останавливаются перекурить шоферы, отправляющиеся к монгольской границе. Минут через десять он прибегает обратно.
– Договорился, поедem на грузовой.

Перевалив через железнодорожный переезд, дорога сво-

рачивала в ущелье; рядом с дорогой, прыгая через камни, бежала речушка. Ребята смотрят вверх на обросшие лишайными утесы. Через час машина останавливается, и Погодин по одной ему известной примете находит тропинку в лес.

Больше часа они тащились вниз по ключу, прыгали с кочки на кочку. На спину летели листья, опавшая хвоя. Место, куда обычно ездил Погодин, было занято. По брусничнику бродили люди, дымились костры, гремели ведра. Бабы громко ругали Погодина, будто он один был виноват в том, что тайга пуста, что прибывшие раньше успели выбрать ягоду.

Гриша отозвал Погодина в сторону, достал нож, что-то нацарапал на земле. Погодин долго смотрел на рисунок, потом покачал головой. Оглянувшись, долго, испытующе смотрел на ягодников. Сережка тем временем развел костер, Васька сбегал к ключу, принес котелок воды. Погодин подошел к огню, достал горящую ветку, прикрыв ее ладошкой, прикурив папиросу.

– Тут делов нема, – сказал он. – Пойдем к Иркуту. Гриша место знает. Сами видите, вымерзла нынче ягода, может, там что будет.

Перекусив, ягодники двинулись дальше. Теперь их вел уже Гриша-тунгус. Вскоре ключ вырос до небольшой речушки, распадок перешел в глубокое ущелье. По берегу рос папоротник, в некоторых местах он был в рост человека. Слева и справа чернели камни, до самого неба лез ввысь узкий лесной коридор.

– И куда мы идем за этим тунгусом, – ворчала Мария Косачева, – заведет к лешему и бросит.

Гриша останавливался, смотрел на всех темными глазами, улыбался, махал рукой.

Наконец снизу потянул ветерок, донесся глухой шум большой воды, тропинка пошла положе. Вскоре сквозь кусты блеснула вода – они вышли к реке. На другом берегу стоял темный, чем-то напоминающий огромного быка утес. Берег был угрюмый, каменистый. Сверху в ущелье смотрело лесное небо, желтыми смоляными свечками стекали по склону сосны. Бабы испуганно оглядывались по сторонам. Погодин по кашкернику полез вверх проверять ягодник. Ребята залезли купаться в Иркут, вода оказалась теплой. Они окунулись несколько раз около берега, потом уселись на нагретый дневным солнцем камень.

Погодин вернулся скоро. Он скатился с горки прямо к горбовикам. В руках у него был полный совок брусники.

– Ягоды – море, – радостно сообщил он.

Бабы и ребята разобрали ведра, полезли вверх. Ягоды действительно было много, будто ее специально рассыпали по склону. Сережка быстро набрал ведро. Он начал спускаться вниз и неожиданно наткнулся на Погодина. Тот сидел на поваленной сосне, рядом с ним примостился Гриша. Оба смотрели куда-то вниз. Сережка проследил за их взглядом. За распадком по склону, растопырив худые сморщенные сучья, стояли голые, попорченные пожаром черные деревья. Под

скалой виднелось темное, в рост человека отверстие. Там была пещера. Неподалеку от входа возле крупного и плоского, как стол, камня угли старого костра, полусгнившие жерди балагана.

– Что это? – спросил Сережка.

– Здесь дезертиры скрывались, – нехотя сказал Гриша-тунгус. – Место удобное, глухое, отсидеться можно, река рядом. У бурят скот воровали, иногда на тракт выходили. А потом мы оцепили это место, троих поймали, одного в ключе застрелили – отбивался до последнего патрона.

Гриша посмотрел на Погодина.

– В сорок втором на Кодарском перевале Мишку Худоревского обстреляли. Меня арестовали тогда. А через несколько дней на станции кто-то ограбил машину с продуктами. След потянулся в тайгу. Меня освободили – взяли проводником, тайгу я эту хорошо знал. Полгода гонялись мы за бандитами. В самый последний момент из-под носа уползали, тайгу они тоже хорошо знали. Вот здесь, в этом распадке, мы их и накрыли.

А Мишка, Худоревский до сих пор думает, что это я в него стрелял.

Погодин вспомнил встречу с Опариным на вокзале. Получив расчет в аэропорту, тот уезжал из Иркутска.

– Влип я тут в одну историю, – поблескивая глазами, шептал Опарин. – Через Мишку Худоревского, чтоб ему ни дна ни покрывки, влип. Хотя он и сам не виноват. Он посылки

с Севера возил. В аэропорту его обычно встречали, ну а если нет, то он посылку у меня оставлял. А потом в одной из них золото оказалось. Ну, а мы ведь ничего не знали. Таскали нас, таскали, спасибо Буркову, поручился за нас. Так бы, как пить дать, срок схлопотали.

Смутная догадка мелькнула у Погодина: знал ведь Худоревский, что возит, знал!

Ночью приснился Сережке сон, будто сидит он в кресле летающей лодки. Вокруг летчики с планшетами, в шлемофонах с очками. В пассажирской кабине, которая почему-то похожа на кабину автобуса, сидят ягодники, Гриша-тунгус, Погодин. Сережка начинает взлет, но самолет не слушается его и несется прямо на берег. Сережка хочет отвернуть в сторону, но самолет неуправляем, раздается треск сучьев, плеск воды. Сережка открыл глаза. Вокруг костра, скрючившись, лежали ягодники. За костром у самой воды он увидел Гришу-тунгуса, рядом с ним стоял отец. Переговариваясь вполголоса, они смотрели в темноту. Откуда-то сверху донесся треск, и снова все стихло.

– Сохатый приходил, – сказал Гриша. – Вечером чуть ниже, за ключом, я видел тропку. Зверь здесь еще непуганый.

– Хорошее место, – согласился Погодин, – ягодное. Только выходить далеко. Пацанов жалко. Обратно в гору с полными горбовиками. Вот если бы самолет, ну, лодку, на которых раньше летали. И чтоб мотор современный, мощнее. А то на тех мало брали двух-трех человек. Слабенькой тех-

ника была. Чуть мотор забарахлит – уже груз надо было выбрасывать.

Гриша-тунгус подошел ближе к костру, стал что-то искать на земле. По его лицу запрыгали, заплясали тени, и Сережке показалось, что это не Гриша, а шаман, который сейчас возьмет бубен и начнет носиться вокруг огня. Наконец Гриша отыскал брезентовую куртку, накинул ее на Сережку и отошел обратно к костру.

– Димка Глухарев ко мне в сорок восьмом заезжал, – вновь услышал Сережка голос отца. – Они Сушкова и после войны искали. А началось с того, что во время войны охотники наткнулись на убитого. Скелет один остался. Рядом заржавевший пистолет. По номеру узнали – Лохова пистолет. Вроде бы как он покончил с собой. Выходит, летчики не разбились, а сели на вынужденную. А что дальше с ними было – одному Богу известно.

Погодин подошел к костру, достал горящую ветку, прикурил.

– Шестнадцать лет прошло, а не могу забыть Павла, Ваську Сушкова, – горестно продолжал он. – Хорошие были ребята. Васька-то с Худоровским друзья... Говорят, из одного детдома. Да только Мишке – куда до Сушкова! Тот орел был, а этот против него жидковат. Мишка ведь за Тамарой тоже ухлестывал, когда она с Бурковым расходилась. Говорят, сватал. От ворот поворот дала.

– Сейчас в аэропорту многое изменилось, – заметил Гри-

ша. – Меня в лесавиабазу приглашают инструктором-парашютистом.

– Пожалуй, и мне обратно в авиацию подаваться надо, – сказал Погодин. – На разных работах был, а душа там, где самолеты. Вот приедем домой, съезжу в аэропорт.

СЕРГЕЙ ЖИГУНОВ

Несколько лет длилась переписка с родственниками Жигунова. Анна оттягивала разлуку с Сережкой, ссылаясь сначала на то, что мальчик болеет и ехать ему опасно, потом на школу: грех – парня отрывать от учебы, пусть закончит десятилетку. Но в конце концов все-таки решилась Анна поговорить с Сергеем. Долго не могла начать, но тут подвернулся случай: младшая дочь забралась в комод и вывалила на пол альбом с фотографиями.

– Мам, а этот летчик – наша родня? – поднял с пола фотографию отца Сергей.

Анна испуганно поглядела на него, ни с того ни с сего накинулась, накричала на Ольгу, та уползла за кровать, забилась в угол.

Никогда раньше Анна не показывала ему этих фотографий, хотя, когда Сергей пошел в школу, она объясняла ему, почему у него другая фамилия. Но она не говорила, что его отец был летчиком, и Сергей больше к разговору о своих родителях не возвращался.

– Это твой отец, – тихо сказала Анна.

Сергей недоуменно посмотрел на нее.

– Помнишь, Сережа, я тебе рассказывала... Я тебе не родная мать. Твоя мама умерла давно. Тебе тогда несколько месяцев было. Потом вы должны были лететь в Якутск, отца ту-

да переводили. А тут один летчик потерялся. Твой отец ему на выручку полетел, но не спас и сам голову сложил. Здесь, на Ангаре, они утонули.

Сергей вдруг вспомнил, как однажды они с Косачевым бродили по острову и наткнулись на занесенный илом самолет. Внутри еще можно было различить приборную доску. Пустыми заржавевшими дырками она смотрела на них, и было отчего-то неприятно, словно на острове лежал забытый всеми человек. Они тогда натащили под самолет щепок и подожгли его. Горел он недолго, минут пять, не больше. Оплавленные металлические части они побросали в Ангару. Так вот это был чей самолет!

– На той стороне раньше аэропорт был, – показывал в сторону церкви Васька. – Батя говорит, этот самолет разбился перед войной. Народу утонуло – страсть! Сейчас такие не летают.

Разглядывая фотографии, Сергей хотел представить, как отец разговаривал, как ходил, как смеялся, но там был какой-то застывший, ничего не выражающий миг. Он понимал: с этого дня что-то изменится в его жизни, но ему не хотелось перемен, не хотел он быть чужим в том доме, который он привык считать своим.

– Сережа, сынок, – дрогнувшим голосом позвала Анна. – Вот телеграмма. Они завтра приезжают. Поезд в три часа приходит, надо бы встретить.

– Что-то долго они ехали ко мне, – насупившись, сказал

Сережка. – Могли бы и пораньше собраться.

– Так война была, разве тогда до тебя было. А потом они же не знали, где ты.

– Мама, – голос у Сергея дрогнул. – Я ведь их совсем не знаю, встретить их сама.

После обеда из города приехал Погодин. Не раздеваясь, прошел на кухню, где Анна готовила обед, снял кепку и со всего маху хлопнул ею о табурет. Анна мельком взглянула на мужа, покачала головой и, собрав посуду со стола, отвернулась.

– Перестанешь ты наконец греметь своими горшками? – рявкнул Погодин. – Если хочешь знать, трезвый я, могу дышать. Слышь, Анна, – уже миролюбиво протянул он, – у Буркова был я, он предлагает нам в Рысево ехать. Там новый аэропорт открывают.

Погодин сделал паузу, жена на него ноль внимания, продолжала вытирать тарелки. Николай видел, как она насторожилась: на платье, вдоль лопаток, вопросительно выгнулась складка. И тогда он выложил свой главный козырь:

– Не кем-нибудь, а начальником аэропорта. Чтоб мне провалиться на этом месте! – Погодин не мог больше сдерживать ликования. – Так и сказал: начальником! Говорит, пошлю на курсы, подучишься. Во как!

– А школа, школа там есть? – обернулась Анна. – Сережке на будущий год школу заканчивать. А тут Жигуновы письмо прислали, и телеграмма от них пришла. Приезжают.

– С Сергеем говорила? – спросил Погодин.

– Он и слушать не хочет. Переживает. Уж лучше бы я молчала...

Погодина ничто не могло расстроить.

– Подумаешь, телеграмма! – небрежно махнул он рукой. – Чего ты испугалась? Он нам не чужой, значит, и мы ему не чужие. – И снова про свое: – Ну как, едем, или будешь здесь век доживать? Условия вроде бы подходящие. Бурков подъемные обещал, можете, говорит, там корову купить.

Этим доводом он окончательно сломил Анну. Она загоношилась, собирая на стол, время от времени глаза ее в задумчивости останавливались, и она рассеяно бралась совсем не за то.

– Я из города не поеду, – сказал Сергей, узнав, что они едут жить в деревню.

– Как это «не поеду»? – кинула на него взгляд Анна.

– Вы езжайте, а я останусь. Десятилетку в вечерней закончу. Нормально будет.

– Как это нормально? – всполошилась Анна. – Что же ты здесь один делать будешь? Отец, ты только послушай, что он говорит!

Но Погодин промолчал, понимая, что сейчас он мало чем может ей помочь. В последний год сильно вытянулся Сережка, на него не крикнешь, как бывало. С маленькими проще, там слово – закон, а здесь брякнешь невпопад – и самому стыдно станет. Отсюда и невероятное совсем пошло: при

Сергее он старался не ссориться с Анной, неудобно как-то стало.

– Ты, мама, не беспокойся, – улыбнулся Сергей. – Я уже не маленький. Скоро на планерах летать буду.

– Как это летать? – не поняла Анна.

– Летчик у нас появился, – разъяснил жене Погодин. – Будет нас с тобой под старость в Москву возить.

Зимой Сергей с Васькой Косачевым записались в планерный кружок, уже закончили изучать теорию, сдали, скоро должны были начаться полеты, но он скрывал, не зная, как к его затее отнесутся дома.

Погодин поддержал его, а вот мать побледнела и медленно опустилась на табуретку.

– Сережа, зачем тебе это? – наконец выдохнула она. – Разве мало других специальностей? Вон ребята на инженеров учатся, геологов.

– Ну, завела, мать! – вставил свое слово Погодин. – Верный курс парень взял, чего еще выбирать-то.

– Так по земле они ходят, по твердой. А тут ни днем, ни ночью покоя не будет. Сколько уже людей эти самолеты сгубили.

– Не бойся, мама, – улыбнулся Сергей. – Мы пока и не летаем, а только знакомимся с материальной частью. А там еще видно будет. Нужно школу закончить.

– Верно говорит, – вновь поддержал его Погодин. – Пусть занимается. От этого только польза.

Сергей благодарно посмотрел на отца.

– Батя, можно я твои туфли надену? Мне в город съездить надо.

– Ну, возьми. Мать, достань мои выходные.

– Занятия на сегодня отменяются, – сообщил Васька Косачев, когда он приехал в планерный кружок, – инструктор заболел. Давай сходим на танцы, наши ребята уже там.

Он сидел на лавочке около входа в подвал, смолил папиросу, по привычке пряча ее в кулак.

За деревянной стеной слышался шум, смех, глухо и невнятно тянула труба, постукивал барабан. Косачев оглядел Сергея с ног до головы.

– Ты это че, отца разул?

Сергей промолчал. Ему было неприятно, что Васька сразу же разгадал, чьи на нем туфли, хотя чего тут хитрого: каждый из них знал одежду другого, как свою собственную.

– Светка здесь?

– А куда ей деться, конечно, здесь, – пустил кольцо дыма Косачев. – Пошли, чего ждем. Он поплевал на окурочек, бросил его на землю, поправил на голове вельветовую фуражку.

Сергей посмотрел на принаряженного друга, прищурил глаза:

– Если хочешь, иди. Я тебя здесь подожду.

– Денег нет? – догадался Васька. – А я тоже не взял, думал, у тебя есть. Вот дела. Может, через забор?

– Поймают, – засмеялся Сергей, – сраму не оберешься.

Давай-ка лучше на дерево!

Они подошли к тополю, Сергей, подпрыгнув, ухватился за нижний сук, подтянулся и уселся на развилке. Отсюда все как на ладони. Чуть выше он увидел грязные подошвы – верхние этажи тополя были заняты шпаной. Противно ему стало от такого соседства, да что поделаешь.

Оркестранты наконец-то настроили инструменты, заиграли «Мишку». Вышли несколько девчонок, потоптались немного и, не встретив поддержки, повернули обратно. Народ на танцы все прибывал. Неожиданно толпа колыхнулась, пропуская сквозь себя крупного, высокого парня в кожаной куртке.

– Летчик, летчик, – зашептали ребятишки.

– Откуда ты знаешь? – возразил кто-то.

– В гости приехал, сам видел, – уверенно ответил тот же голос.

Музыканты будто ждали его появления, заиграли вальс. Летчик расстегнул молнию на куртке, прошел через весь круг и пригласил Светку.

– Губа не дура, – присвистнул Косачев. – А она-то лыбится, будто пряником угостил.

Освещенное пятно танцплощадки напоминало уличный фонарь, в середине которого на свету порхают мотыльки. Пел под танцующими деревянный пол, по ушам била тугая медь, казалось, мощные насосы гонят по кругу порожние металлические бочки.

Настроение у Сергея испортилось окончательно, захотелось прыгнуть с дерева, уйти, но он продолжал смотреть.

Со Светкой они познакомились прошлой осенью, когда несли в подвал крыло от планера. Крыло было огромное, длинное, тугая с пружиной дверь подвала зажала его посередине. Светка, бежавшая из школы, посмотрела на взмокших парней, поставила на пол портфель и придержала дверь. Ребята спустились вниз по лестнице, но дальше была точно такая же дверь. Пришлось ей сопровождать их до кладовой, где хранился планер.

– Когда в следующий раз заносить будете, можете позвать меня, – улыбнувшись, сказала она. – Я живу в пятой квартире. А то сломаете что-нибудь, и не полетит ваша конструкция.

– Как-нибудь обойдемся, – буркнул Сергей.

Через несколько дней она встретила их на улице.

– Ребята, я приглашаю вас к нам в школу. У нас завтра вечер.

Друзья переглянулись, Васька сорвал с головы кепку и шутливо раскланялся.

– Мерси, мадам, но нам некогда. Завтра у нас зачеты по аэродинамике. Вы знаете, что такое аэродинамика? По глазам вижу – нет. Так вот, это наука о движении летательных аппаратов тяжелее воздуха.

– Да у нас дома этих книг по аэродинамике целые полки, – крутанула портфелем Светка. – Я когда-то летчицей мечтала

стать. С парашютной вышки прыгала. Так что понятие имею.

Ребята молча переглянулись.

– Слушай, принеси, а? – попросил Сергей. – Мы тебе отдадим, обязательно отдадим!

– Подождите немного, я сейчас.

Через минуту она вынесла им толстую книгу, на обложке которой был нарисован самолет.

– Даю с условием, – улыбнулась она, – что обязательно придете на вечер...

– Ты смотри, вцепился, как клещ, – пыхтел Косачев. – Серега, давайотрегулируем. Пусть не цапает наших девчонок.

– Здоров бугай. Он такотрегулирует! Давай какие есть деньги.

– У меня только на автобус.

– Дойдешь пешком. Давай.

Сергей спрыгнул с дерева, вразвалку подошел к кассе, купил билет. Затем пробрался сквозь толщу танцующих, подошел к летчику.

– Пойдем, поговорим.

Летчик обернулся, смерил его с головы до ног. Помедлил с ответом, соображая, для чего вызывают.

– Пойдем, – наконец-то снисходительно согласился он.

Светка, заметив Сергея, испуганно захлопала глазами.

– Ой, Сережа! И ты здесь, – растеряннoproговорила она. – Я не знала, что ты тоже на танцы ходишь.

Он не ответил ей. К выходу они прошли по узкому кори-

дору. Парни дали дорогу. Уж у кого, у кого, а у них был нюх на драку. Самые любопытные гурьбой вывалили следом.

– Так что ты хотел? – спросил у него летчик, когда они вышли на улицу.

– Хотел узнать, где в летные школы принимают.

– А-а, вон в чем дело, – парень с интересом оглядел Сергея. – Десять классов закончил?

– Пока нет.

– Ну вот, когда закончишь, съезди в управление гражданской авиации, там каждое лето приемная комиссия работает.

Парень улыбнулся, протянул руку Сергею.

– Раз в летчики решил идти, давай знакомиться. Андрей.

– Кто это тебе сказал, что я в летчики собрался? – поглядев исподлобья на парня, сказал Сергей. – Что это, летчики всегда на танцы в форме ходят?

– А ты, оказывается, заноза, – рассмеялся летчик. – Я, наверное, на твой интерес наступил. Извини, не знал. Ну, ладно, не сердись. – И он, хлопнув Сергея по плечу, пошел на танцплощадку.

Сергей понял: летчик не принял его всерьез, обошелся с ним, как с ребенком, который мало чего смыслит в жизни.

– Что это ты, сдрейфил? – подскочил к нему Васька Косачев. – Я там Федьку Сапрыкина встретил. Справились бы.

– Федьку? – обрадованно проговорил Сергей. – Где он? Я его тыщу лет не видел.

– Сейчас подойдет.

– Вась, давай в летное училище, а?

– Чтоб девчонки на шею вешались? – ехидно поинтересовался Косачев. – Тогда все понятно.

Из дверей танцплощадки вывалился Федька. Увидев парней, улыбнулся своим широким лицом, поспешил навстречу.

– Ну что, пацаны, как у вас дела? – спросил он. – Чего не танцуете?

– Мои уезжать собрались, – ответил Сергей. – Отцу предложили работать начальником аэропорта.

– Растет, значит, – хмыкнул Сапрыкин.

– А я не поеду, – нахмурился Сергей. – Буду десятый в вечерней заканчивать. Тут родня отыскалась, к себе на Урал звали, только зачем мне Урал. Надо где-то здесь работу искать.

– Вот чудак-человек, приходи к нам! – воскликнул Сапрыкин. – Я сейчас в аэропорту работаю. Бригадиром – микитишь? Взлетную полосу делаем, большие самолеты к нам летать будут. Говорят, до Москвы за пять часов добраться можно будет.

– А не обманываешь? Тебе обмануть – пара пустяков.

– Кто старое вспомнит, тому глаз вон. Приходи, устрой. Правда, я в летное училище поступаю. Уже сдал анализы, осталось математику.

– Вот как! – ахнул Сергей. – Ну, Федька, ну молодец! Вот не ожидал!

– И чего хорошего нашли вы в этой авиации... – буркнул

Васька. – Да туда конкурс двадцать человек на место.

ОТЪЕЗД

Как ни готовил себя к отъезду Погодин, а все равно произошло это неожиданно. Пришла машина за вещами, по-сигналила под окном. Он растерянно заметался по дому, не зная, с какого конца приняться. На удивление, вещей оказалось немного, даже осталось место для людей. Погодин присел на крыльцо, глядя в гулкую пустую избу. Он еще не знал, радоваться ему или печалиться. В голове, как в кузове машины, все перевернуто, свалено в одну кучу, попробуй разберись, где что. Если бы сейчас спросили, сколько лет он прожил в этом доме, не ответил бы. Помнил хорошо, как впервые с Павлом Жигуновым пришли сюда; помнил возвращение с фронта, а потом все проскочило как один день. От того дома, который он покупал с Павлом Михайловичем, сохранились разве что стены. Все остальное он переделал, перекрыл по-своему так, как в деревне привык: с навесами, стайкой, пряслами. Только все это ненужным оказалось.

На завалинке рядом сидят девчонки, смотрят, как парни грузят вещи. Вот здесь опростоволосился он, не смог смастерить ни одного парня. Хорошо, что есть Сергей.

Вытащил Николай из футляра баян, но сыграть напоследок не смог. Шершавой рукой погладил корпус, вздохнул и снова спрятал его – до лучших времен. Провожать их вышла почти вся улица. Бабы окружили Анну, что-то наперебой го-

ворили ей, советовали. Она потерянно и бестолково улыбалась, изредка поглядывая на машину.

На другой день после отъезда родителей Сергей приехал в аэропорт. Все оказалось просто: он получил брезентовую куртку, рукавицы, лопату и направление в бригаду Сапрыкина. Федька по старой дружбе хотел дать ему работу полегче – поливать водой свежеуложенный бетон, но Сергей воспротивился:

– Что я, маленький? Давай работу, как всем.

– Ну хорошо, – усмехнулся Федька. – Бери лопату, хватай больше, кидай дальше.

К вечеру Сергей не мог поднять руки. Федька увез его в общежитие, устроил на койке соседа, который был в отпуске. Заваривая чай, он одним глазом поглядывал в учебник по алгебре, который лежал тут же на столе.

– С завтрашнего дня экзамены, – сыпал он скороговоркой, – мне еще полкниги пролистать надо. Одного дня не хватило.

Но математику Федя Сапрыкин не одолел. На все вопросы тяжело отшучивался:

– Температуру кипения с прямым углом спутал, отправили на второй круг.

Только одному Сергею пожаловался:

– Я десятилетку в вечерней школе заканчивал. А там, сам знаешь, как учатся. День пришел, два прогулял. То соревнования, то еще что-нибудь. Много пропустил, а это дыра в го-

лове. Вчера взял билет и чувствую – не знаю. Хотя караул кричи. Ничего, теперь это им не пройдет, – неизвестно кому погрозил он. – Теперь я ученый.

Сапрыкин замолчал на некоторое время, потом уже спокойно продолжил:

– Ты что, думаешь, мне здесь плохо? Зарабатываю как следует. Только хочется чего-то такого... Полетать, мир посмотреть. Я на товарняках с этой целью ездил. Поезд прет куда-то, а ты сидишь в тамбуре, и вокруг тебя все новое и новое.

Когда полоса была уже готова и они работали на рулежной дорожке, прилетел новый реактивный самолет. Вынырнул он внезапно, прогрохотал над городом, затем отвернул направо, ушел далеко за Ангару.

– Наверное, не сядет. Может, полоса не понравилась, – сказал Васька Косачев. Он каким-то образом узнал, что должен прилететь новый самолет, и на велосипеде прикатил на аэродром.

– Сядет, можешь не беспокоиться, – прогудел Федька Сапрыкин.

Самолет опять показался из-за леса, нацелился длинным носом в конец полосы, стал снижаться.

Сразу же после приземления из хвоста вылетел белый ком, за самолетом распустилась, надулась белая юбка-парашют. Все, кто был на аэродроме, бросились к полосе. Самолет показался огромным, просто даже не верилось, что такая

машина может держаться в воздухе. Местное начальство во главе с Бурковым поднялось в пассажирский салон.

В толпе встречающих ребята заметили Михаила Худоревского.

– Вон тот летчик, в которого Гриша-тунгус стрелял. Помнишь, я тебе говорил? Живет, – Васька закатил глаза, – как кум королю. Все есть. Недавно ЗИМ купил. Ни у кого в городе такой нету.

Худоревский услышал шепот за спиной, обернулся.

– А, да здесь все знакомые! – воскликнул он. – Самолет встречать прибежали?

– Нет, мы здесь работаем, – ответил Сергей. – Вот полосу делали.

– Решил, значит, в строители податься? – глянул на него Худоревский. – Я слышал, отец в Рысево уехал? Чего же ты не с ними?

– Мы в летное решили поступать. Все вместе.

– Вон оно что, – протянул летчик. – Ну-ну, давайте, если кишка не тонка.

ВТОРОЙ ПРЫЖОК

Перед полетами планеристов вывезли в Усть-Орду. Нужно было сделать два обязательных прыжка с парашютом.

Инструктор, невысокий, похожий на цыгана крепыш, сразу же после приезда разделил людей, часть из них послал за водой, других – наводить порядок в палатках. Сергея с Васькой Косачевым оставил разгружать машину, нужно было снять и уложить парашюты.

После обеда прикатил еще один автобус. Из него высыпали парни и девчонки из парашютного кружка, которые должны были прыгать вместе с планеристами.

Жарко. Солнце забралось на самую макушку, и тени почти нет.

Косачев покрутил по сторонам головой, облизнул пересохшие губы, глянул на Сергея.

– Ты не надсажайся, отдохни, – сказал он, – а я схожу посмотрю, кто там приехал. Может быть, Федька прикатил. Так я его сюда притащу. Вместе-то мы мигом закончим.

– Ладно, вали, – согласился Сергей. Он подошел к фляге с водой, прополоскал солоноватой водой горло, потом заглянул в кузов. Разгружать осталось еще полмашины.

Косачев вернулся минут через двадцать.

– Вот он, герой-стахановец, – тыкая пальцем, громко крикнул он, – смотрите, даже не присел, работает, как слон!

Из-за палатки вышел Федька Сапрыкин, а за ним Светка. От неожиданности Сергей выронил на землю парашют.

– А ты как здесь очутилась? – удивленно спросил он.

– Да разве я сама, меня автобус привез, – улыбалась Светка. – Феде спасибо, что взял меня с собой. Ты бы ни за что не взял. Да? Вот Федя – это человек. Настоящий товарищ.

– Я ни при чем, – немедленно открестился Федька. – Сама все разузнала и записалась. Мы с ней в автобусе встретились.

– А то как же! Вы разве додумаетесь? Сами прыгать, а мне сидеть, – парировала Светка. – Не выйдет!

Она на секунду замолчала, затем, показав Сергею язык, крутанулась на каблук.

– Сережка, смотри, смотри, знакомый, – неожиданно прошептал Косачев.

Сергей оглянулся. Прямо к ним, через поле, размахивая руками, быстро шел летчик, с которым он познакомился на танцплощадке. Из-под форменной фуражки лихо торчал чуб.

– Привет, десантники. – Андрей приподнял руку к фуражке. Скосив глаза на Сергея, улыбнулся: – Ну вот, теперь-то посмотрим, на что вы способны. Я вас бросать буду.

– Нас бросать не надо. Мы сами прыгнем, – сказал Сергей.

– Ну, это кто как, – покусывая травинку, сказал летчик. – Иногда приходится и под зад давать. В прошлом году один вот такой же петушился, петушился и не прыгнул. В самолете, когда подошла его очередь, ухватился за скобу, трак-

тором не оторвешь. В следующий полет посадили с одними девчонками. Думали, мужское самолюбие разыграет. Не прыгнул. Собрал вещички и укатил. Вот так бывает.

– Посмотрим, – сказал Сергей. – Не для того сюда ехали.

– Андрей Петрович, а вы сами, случаем, не боитесь? – спросила Светка. – Отец мне говорил: летать – одно, а прыгать – другое. Я, признаюсь честно, боюсь.

– Надо будет – прыгну. – Андрей нахмурился и вразвалку, походкой бывалого человека пошел к самолету.

Все молча посмотрели ему вслед. Подождав, когда летчик отойдет подальше, Косачев тихо проговорил:

– Ребята, убей меня бог, но мне показалось: ему не понравилось, что наша Светлана по отчеству его назвала.

– Правильно сделала, – улыбнулся Сапрыкин, – начальство уважать требуется.

Косачев поправил воображаемую фуражку, выпятил грудь.

– Бросать вас буду, – передразнил он летчика. – Как там у вас с запасным бельем?

– Перестань, Васька, кривляться, – одернула Косачева Светка. – Андрей парень неплохой, отец его хвалит. Но порисоваться любит – хлебом не корми. Не нравятся мне такие...

И Сергей почувствовал: последние слова она сказала только для него, мол, не думай зря, не ради него я сюда приехала.

– Ну что рты разинули, – улыбнулся Сергей. – Помогайте.

Здесь как раз каждому по парашюту осталось.

Вечером они вновь собрались все вместе. Жара наконец-то спала, воздух посвежел. Очнувшись от сонной дневной одури, застрекотали кузнечики. Между палаток, осмелев, носились воробьи.

– Если бы я не была девчонкой, то я бы обязательно пошла в летчики, – говорила Светка.

– Летчики мало живут. Чуть отказал мотор, и все – крышка, – заявил Васька Косачев. – Парашютов-то им не дают.

– Послушайте, а почему, правда, не дают? – простодушно спросила Света. – Я бы всем выдавала: и летчикам, и пассажирам.

– Тогда нужны были бы и грудные парашюты, – ответил Федька. – Вон, слышала, здоровые парни – и то не все решаются. А ты бы хотела, чтоб старики и дети прыгали.

– Правда, – согласилась Светка. – Уж что случись, так лучше вместе и до конца. Я вот сейчас о чем подумала: когда парашют один, а спастись надо многим, то, наверное, погибают самые совестливые...

– Ну, Светка, ты даешь! – прогудел Сапрыкин. – Знаете, ребята, такая у меня мысль. – Федька помолчал немного, поглядывая на друзей. – Я отца хочу разыскать. Надоело мне выслушивать разную ерунду. Мол, твой родитель чуть ли не за границу улетел. Я недавно с Глухаревым разговаривал. Он на гидросамолетах летал и моего отца хорошо знал. Говорит, надо искать между гольцом и Леной. Где-то там они

упали. Честно говоря, я и в авиацию из-за отца решил пойти. — Федька неожиданно замолк, затем хлопнул Сергея по спине. — Пошли спать, завтра рано подниматься.

Разбудили их в пять утра. Построили и повели в квадрат — обозначенное флажками место, где лежали уложенные парашюты.

Тихо на аэродроме. Застывший сонный купол неба да не растревоженный воздух. И ровная, как стол, зеленая гладь аэродрома.

Покачиваясь под тяжестью парашюта, Сергей зашел в самолет. Сзади, отрезая путь, захлопнулась дверь. Загрохотал мотор, и самолет покати к взлетной полосе.

Минут через пять после взлета загудела сирена, инструктор открыл дверь.

Сапрыкин стоял впереди, Сергей следом за ним, тыкаясь лбом в ранец Федькиного парашюта. Под ногами, покачиваясь, гудел пол.

— Пошел! — крикнул инструктор, и Сапрыкин шагнул вперед. Перед Сергеем во весь рост встал пустой проем самолетной двери. Не отдавая себе отчета в том, что он делает, а только помня, что так надо, Сергей, согнувшись, бросился в бездну. Его рвануло и потащило куда-то вбок, мелькнул и тут же пропал хвост самолета. Вцепившись руками в запасной парашют, кувыркаясь и не понимая, что же ему делать дальше, Сергей летел к земле. Но уже в следующую секунду его дернуло, он услышал над собой мягкий хлопок. Поглядев

сверху, увидел рассеченный пополам купол парашюта.

«Перехлест, – пронеслось у него в голове, – этого еще не хватало, нужно сдернуть стропу».

Он попытался подтянуть лямку и тут же с ужасом увидел, что догоняет другой парашют, который висел прямо под ним. В следующее мгновение ноги коснулись и утонули в пружинистой ткани. И тогда понимая, что сейчас он погасит купол товарища, Сергей побежал к краю купола. Ноги скользили, проваливались в мягкую ткань. Купол его собственного парашюта гас, но он не видел этого. Наконец добрался до края и скользнул в бездну.

«Запасной нужно выпускать, запасной», – шаря по груди, думал Сергей. Но тут его снова тряхнуло, и он почувствовал, что падение замедлилось. Подняв голову, увидел: Федька держит стропы его парашюта, который обмяк и свисал как обыкновенная тряпка.

– Серега, держись! – крикнул Федька. – Дойдем на одном.

Так и долетели, приземлились на пашню. К ним бежали: впереди всех инструктор, а за ним Косачев, Светка.

Обгоняя всех и сигналив, летела машина «скорой помощи».

Вечером Косачев отозвал Сергея за палатку.

– Ну как, будешь еще прыгать, или домой поедем? – спросил он.

– Ничего, прыгнем еще раз. Первый блин комом, второй должен получиться.

– И охота тебе жизнь тряпке доверять? – с любопытством взглянул на него Косачев. – Все равно ведь на самолете парашютов не дают. Может, уедем, а?

– Да ты что, сдрейфил? – возмутился Сергей. – Светка – и та прыгнула. А мы обратно. Нет, ты что-то не то говоришь. Прыгнем еще раз, – уже мягче добавил он.

МЕДИЦИНСКАЯ КОМИССИЯ

Комиссию проходили в аэропортовской поликлинике. Приехали с утра, сдали анализы, потом стали ходить по кабинетам. Раздетые по пояс, весело оглядывая друг друга, сидели в коридоре на стульях. Первым обычно шел Сапрыкин, за ним Сережка с Косачевым. Особенно боялись кабинет «Ухо-горло-нос», где крутили на кресле. Немало парней выходили оттуда бледными, невидящими глазами смотрели поверх голов и уходили в регистратуру забирать документы.

Но все обошлось. Сергея посадили на стул, нагнули голову почти до самых коленей, покрутили немного, потом попросили пройти и сесть на другой стул. Ничего страшного. Сергея это даже позабавило. На качелях они выделявали не такое. Он так и сказал Косачеву, когда вышел из кабинета.

– Не дрейфь, забава для ребятшек.

Осталось пройти терапевта. Им сказали, чтоб пришли завтра, когда будут готовы анализы, к Бурковой.

На другой день врач измерила у Сергея давление, полистала медкарту, потом наморщила лоб, пытаясь что-то вспомнить, посмотрела на него внимательно.

– Это ты Жигунов Сергей?

– Я.

– Боже ты мой! – выдохнула она. – Похож, ой как похож! Сергей приподнял голову. Пусть охает, ахает, признает в

нем кого угодно, лишь бы пропустила, подписала медицинскую карту.

– А ну, подойди. Я тебя посмотрю.

Она уложила его на кушетку, стала внимательно слушать.

– Ты посиди здесь, – сказала она Сергею. – Я сейчас на минуту выйду.

Она взяла Сerezкины документы, вышла из кабинета. Сергей стал разглядывать комнату. Вдруг хлопнула дверь, и в комнату впорхнула Светка.

– Мария Прокопьевна, а где мама?

– Сейчас придет, она вышла.

Светка кивнула головой удивленному Сергею, выглянула в окно, помахала кому-то рукой. Он привстал со стула, увидел на скамейке Сапрыкина – он уже прошел комиссию и ждал его. Вскоре вошла Тамара Михайловна и подала ему карту.

– Все в порядке. Можешь идти на заключение.

Сергей чуть не пустился в пляс, в голову ударила горячая волна, ему захотелось обнять Тамару Михайловну.

– Света, познакомься, это сын Павла Жигунова, я тебе рассказывала, – обернулась к дочери Тамара Михайловна.

– Мы уже знакомы, – улыбнулась Светка. – Я у них в планерном кружке вахтером работаю, двери открываю.

– Вот как! – удивилась Тамара Михайловна. – Что же ты мне раньше не сказала? Тогда приглашай в гости.

– Я его приглашала, он стесняется.

Сергей не помнил, как очутился в коридоре. Подскочили друзья, они уже догадались – у него все в порядке. На заключение к главному врачу попали сорок человек, в училище поехали лишь двенадцать, и среди них Сергей с Федькой Сапрыкиным. А вот Васька Косачев забрал документы и укатил домой, не попрощавшись с друзьями.

В УЧИЛИЩЕ

В училище они приехали ночью. Дежурный наморщил лоб, размышляя, куда бы их определить. Затем повел в казарму, нашел там свободную, без матрацев, двухъярусную кровать, тихо, почти шепотом, сказал:

– Располагайтесь пока здесь. До подъема два часа. Утром зайдите в отдел кадров, сдайте документы.

Парни сняли пиджаки, разулись. Чего ни говори, а спать-то хотелось. Последнюю ночь в поезде они не ложились, боясь, что проедут мимо.

Сергей расположился внизу. Федя забрался на второй ярус. Под ним, будто жалуясь, выгнулась, загудела сетка. Они подождали, когда стихнут шаги дежурного, и тут же, почти мгновенно уснули.

– Подъем! – прокричал совсем рядом мальчишеский голос.

Сергей вскочил, врезался головой в провисшую стальную сеть. В проход мешком свалился Сапрыкин, сонно захлопал глазами, недоуменно огляделся. По коридору неслись курсанты, на ходу надевая на себя белые нательные рубашки. Они быстро выстроились вдоль стенки, все тот же мальчишеский голос скомандовал; строй качнулся, разом грохнули сотни ботинок. Прямо на них вылупился ряд шишकाстых, остриженных наголо затылков.

– Вот так новость, – охнул Сергей. – Настоящая армия.

Когда они ехали сюда, то не представляли, что это за летное училище: размягчало слово «гражданское», от него пахло чем-то мирным, не строгим.

Через час в местной парикмахерской их подстригли «под ноль», завхоз выдал форму, старшина построил и повел в баню. В бане все начали меняться одеждой, завхоз не очень-то пекся о размерах, прикидывал на глазок; главное – выдать, а там сами разберутся.

И началась веселая, суматошная, то и дело прерываемая окриками старшин жизнь. Все стали похожи друг на друга, растворились среди фуражек, кителей, и даже лица, как и форму, будто выпустили с одной фабрики.

Поначалу на построении Сергей никак не мог отыскать свое отделение, все время приставал к чужим, но потом нашел-таки выход из положения. Федя Сапрыкин был покрупнее других, его круглая, кирпичного цвета голова заметно выделялась среди молочно-серых голов курсантов и действовала на Сергея, как на шофера стоп-сигнал. Он отыскивал ее взглядом, пробирался среди курсантов и пристраивался к Феде в затылок, зная, что Федя в общем-то человек опытный и с ориентировкой у него в порядке.

Если здесь дело как-то наладилось, то утром Сергей никак не успевал и вставал в строй самым последним. Тогда он стал просыпаться за несколько минут до подъема и, одевшись, снова ложился в постель, но его быстро раскусили. Поймал

старшина и дал три наряда вне очереди. Федя Сапрыкин попытался заступиться за друга и тут же получил точно такое же наказание.

— Бог создал отбой и тишину, а черт — подъем и старшину. — Федя быстро усвоил курсантские остроты.

На другое утро провинившихся отправили в колхоз на уборку кукурузы. Стояли теплые дни, в воздухе летала паутина, пряно пахло кукурузой, палой листвой. Машина неслась по дороге, вокруг, сколько хватал глаз, шли поля, разливованные лесопосадками. Вскоре они приехали в деревню, там им выдали по мешку и направили на кукурузное поле. Початки были длинные, тяжелые, как артиллерийские снаряды. Дело шло споро, они едва успевали таскать мешки на дорогу в машину. Поле быстро закончилось, они вышли к аэродрому.

Неподалеку был разбит старт. Самолеты, поурчав немного, поднимались в воздух, делали круг и вновь заходили на посадку. Чуть подальше, над плоской горой, делая маленькие круги, летал еще один самолет.

— Вот это да! — завертел головой Сергей. — Мы вкалываем, а там летают.

— Ничего, через год другие будут кукурузу убирать, а мы летать, — кивнул в сторону аэродрома Сапрыкин. Но именно здесь он просчитался. На занятиях у него скрутило живот, и он потерял сознание. Федьке сделали операцию. Больше месяца пролежал он в городской больнице. В начале зимы

приехал в училище худой, осунувшийся.

– Списали, – горько махнул он рукой. – Поеду домой, видно, не судьба.

– Езжай в Москву, – советовали курсанты. – Там работает центральная врачебная комиссия.

– Да они говорят, слава богу, живой остался.

Курсанты сбросились по десятке Феде на дорогу, он собрал нехитрые свои пожитки в чемоданчик. Сергей проводил его до вокзала. Постояли, поджидая поезд.

– Может, и правда в Москву съездишь? – спросил Жигунов.

– На какие шиши? – прищурил глаза Федька.

– Вот тебе раз! – воскликнул Сергей. – Да мы бы собрали.

– Удивляюсь я на тебя, Серега, – положил ему на плечо руку Сапрыкин. – Прежде всего будут смотреть на документы, которые я им покажу. Там мне такое понаписали! Перестраховщики.

Федька уехал и замолчал почти на целый год. Письмо от него пришло летом, когда Сергей собирался сделать первый самостоятельный полет.

«Устроился я, Сережа, в лесавиабазу парашютистом, – писал он. – Комиссию прошел нормально. Ну, в общем, сам понимаешь, требования не те, что в училище. О том, что со мной было, я им, естественно, не сказал. И я летаю, хоть не так, как мечтал, но летаю, прыгаю на лесные пожары. Жаль, конечно, что не довелось мне с вами учиться. В бригаду не

пошел, стыдно было отчего-то, да и не осталось там ничего, разъехались... Тушим пожары по всей матушке-Сибири. Кстати, могу сообщить: Гриша-тунгус у нас инструктором. Он, оказывается, во время войны десантником был, в тыл к немцам прыгал. Вот уж не ожидал! Видел Светку, учился в медицинском. Говорит, ты пишешь редко. Ты что же это, брат, ленишься? Ты ей пиши, а то уведут, она девка видная, парни за ней гуртом ходят. Шучу, конечно. Недавно была командировка в Рысево. Тушили там небольшой пожар. Отец твой там распоряжается. Развернул он авиационное хозяйство, на все управление гремит. Лучший аэропорт местных воздушных линий! В тайгу нас сбрасывал Худоревский. Он летает на маленьких, говорит: хочу спокойно дотянуть до пенсии. Ребята говорят, они с Бурковым злейшие враги. Худоревский хотел переучиться на реактивный самолет, а Бурков проверил у него технику пилотирования и поставил тройку. Сам знаешь, в школе переведут в другой класс, а в авиации – шиш. Так что, не получай троек. Видел Ваську Косачева. Он на Сахалин подался, деньгу заколачивать. Утру, говорит, вам нос. Давай приезжай скорее, может, с тобой придется полетать».

Он тут же решил написать письмо другу. Много хотелось сказать ему. И о том, как впервые он слетал в ознакомительный полет. Все было как во сне. Сергей забрался на плоскость, перелез через борт и уселся в кабину. Хлопнул, закрылся фонарь над головой, взревел двигатель, на-

встречу побежало поле, быстро надвинулись лесопосадки. Но в следующее мгновение его легонько вдавило в кресло, капот устоял в небо. Самолет стал двигаться медленнее, земля удалялась.

– Как себя чувствуешь? – крикнул инструктор.

– Нормально, – ответил Сергей.

– Смотри, сейчас я тебе покажу переворот, потом боевой разворот.

Самолет повалился набок, капот вычертил на небе огромную запятую, острым концом она пробила тонкую нить горизонта, лобовое стекло уперлось вертикально в землю, земля расплзлась во все стороны, стремительно помчалась навстречу. В следующее мгновение голова отяжелела, Сергей хотел поднять руку, но не смог, не хватило сил оторвать ее от колена. Юлой крутанулась вокруг него земля, и только два цвета, синий и зеленый, запомнил он, уже не понимая, где верх, где низ.

Рядом через наушники слышался голос инструктора, он о чем-то спрашивал его, но Сергей не мог ответить, что его стошнило, а приборная доска поплыла перед глазами.

– Сережа, что с тобой? – закричал инструктор.

– Нормально, товарищ инструктор, – пробормотал Жигунов, – только давайте поскорее на землю.

Инструктор перевел самолет на снижение. На стоянке он выключил мотор. Подбежавшие курсанты помогли Сергею выбраться из кабины.

– Завтраком похвастался, – выдавил из себя Сергей и жалобно, растерянно заморгал глазами.

– Ничего, это не страшно, – постарался успокоить его инструктор. – Ты не переживай. Это поначалу почти у всех, потом проходит.

В середине июля Сергей вылетел самостоятельно. Инструктор сделал с ним два контрольных полета по кругу, затем зарулили на стоянку.

– Давай мешок! – крикнул он курсанту.

Курсанты мигом приволокли «дядю Ваню», так они называли мешок с песком, положили в заднюю кабину.

Сергей вырулил на исполнительный старт, поднял руку. Стартер разрешил взлет.

Самолет плавно тронулся, колыхнулось, поползло навстречу зеленое поле. Над лесопосадкой он убрал шасси, выполнил первый разворот, потом второй и тут вдруг заволновался: ему захотелось оглянуться, посмотреть на пустую кабину.

Неужели это он сам в воздухе? И никто не смотрит, не следит за его полетом!

На последней прямой он подвел капот самолета под белые пятна аэродромных знаков. Все это он сделал автоматически, как его учили. Десятки раз он уже проделывал это с инструктором. И казалось ему, будто и сейчас инструктор держит за невидимую нить, затягивает его в узкую, как протока, посадочную полосу. Слабину этой привязки он выбирал

сам, не давая самолету просаживаться, уходить с посадочного курса.

Где-то с высоты десяти метров Сергей отчетливо разглядел головки одуванчиков на краю аэродрома и только тогда потянул ручку управления на себя. Земля послушно выгнулась и побежала рядом, подставляя под колеса свой ровный бок.

Перед приземлением он ощутил, как сиденье стало уходить из-под него, самолет решил еще раз проверить летчика. Сергей мгновенно добрал ручку, не дав машине опуститься на переднее колесо. С мягким шепотом легла под колеса аэродромная трава.

После полета Сергей сходил в буфет, купил папирос и шоколадных конфет. Папиросами угостил инструкторов, конфетами – друзей. Так было заведено среди курсантов.

НЕБО ДЕТСТВА

По распределению Сергей попал в Восточную Сибирь. Вместе с ним из училища в Иркутск приехали еще пять человек. Молодых летчиков принял командир авиаотряда Константин Петрович Бурков.

– Вот и нам смена подросла, – сказал он, ощупывая каждого глазами. – Можно теперь и на пенсию.

Бурков познакомил летчиков с условиями работы, затем достал их личные дела. Он вслух зачитывал характеристику на каждого и спрашивал, кто где желал бы работать.

Почти все хотели остаться в Иркутске. Дошла очередь и до Сергея.

– Если вы не возражаете, то я бы хотел поехать в Киренск, – сказал он, не дожидаясь вопроса Буркова. – Интересно поработать на северных трассах, понюхать, что это такое, – улыбнувшись, добавил он. – А вы не скажете, нашлись те пилоты, которые до войны потерялись?

– Нет, не нашлись, – помедлив немного, ответил Бурков. – Ты что, собираешься их разыскивать?

– Если сказать честно, это моя мечта, – ответил Сергей. – Еще пацаном так решил.

Бурков поднялся из-за стола, походил по кабинету, затем подошел к стене, где под шторкой висела полетная карта, сдвинул шторку в сторону.

– Они вылетели двенадцатого июня сорок первого года из Бодайбо на Иркутск. В тот день погода была неустойчивая, по маршруту ожидалась фронтальная гроза. Она смещалась на юго-восток, в сторону байкальских гор. Они могли обойти ее севернее Лены. – Бурков провел пальцем в сторону Ербогачена. – Другой, более вероятный, путь вдоль байкальских гор, но этот путь был возможен в том случае, если гроза еще не подошла к гольцам. Могли они еще выскочить на Байкал и совершить посадку на озеро. Мы раньше так делали, прижмет нас облачность или гроза – мы на реку или озеро. Причалим к берегу, погоду пересидим, а потом дальше полетели. А если туман, так и не ждем, шуруем по реке, как глиссер. Час, два – растянет туман, взлетаем.

– Я думаю, они сели где-то здесь. – Бурков провел пальцем севернее Байкала. – А что сели – это точно. Одного из экипажа – сопровождающего – нашли, вернее, то, что от него осталось. Сколько он прошел, одному Богу известно. Бывалые люди рассказывают – мог и двести и триста километров пройти. Вот все, что я знаю об этом деле. Да, чуть не забыл, тут в прошлом году старушка ко мне заходила. Изотова, начальника изыскательской партии жена. Она пролетом в Иркутске была. Зашла ко мне в кабинет и вот так же, как и ты, про тех летчиков спросила. Дети у них выросли, выучились, взрослыми стали. Думала, что мы хоть что-то знаем. Но что я ей мог ответить? Ушла, а я даже адрес забыл взять. Где-то в Москве живет, у сына.

В приемной Сергей нос к носу столкнулся с Федькой Сапрыкиным. Того было не узнать – форменный пиджак, выгоревшая форменная фуражка, но глаза все те же – черные, плутоватые.

– О-о, ты уже здесь! Когда прилетел? – воскликнул он, хлопнув Сергея по плечу. – Молоток! Ты меня подожди, я сейчас у Буркова требование подпишу. Батя твой попросил. Я здесь на лесавиабазе парашюты новые получаю. Ты когда в Рысево?

– Да вот, оформлюсь и полечу.

– Давай с нами. Завтра туда лесопатрульный самолет идет. А Светки-то нет в Иркутске, на практику в Бодайбо улетела, до конца лета. Ты подожди, я сейчас.

Федька исчез за дверью.

Через минуту он выскочил обратно и сразу предложил свою программу на вечер:

– Ну что, теперь в ресторан, обмоем твои шевроны?

Сергей улыбнулся:

– На месте обмоем, в Киренске. Съездим-ка лучше к Косачевым. Узнаем, как там Васька, да и дом посмотреть хочется.

Автобус медленно полз через город. Сергей смотрел на улицы, и было у него такое ощущение, будто возвращается он в свое детство. Из писем он знал, что барахолку, где он впервые столкнулся с Сапрыкиным, закрыли, церковь снесли. Но из автобуса вид был прежний: деревянные улочки, зе-

ленные заборы. Распустившиеся тополя сгладили острые углы старых зданий, закрыли дыры проходных дворов. Сергей смотрел на город, на идущих по тротуарам людей и вдруг поймал себя на том, что ищет среди них себя – того босоногого мальчишку, впервые попавшего в город. Много бы он дал, чтобы показаться ему в форме!

Никита Косачев смолил лодку.

Во дворе под закопченным котлом горели дрова, черный жирный дым стлался над оградой и, просочившись через забор, скользил остывать в протоку.

– Хозяину привет, – громко сказал Сапрыкин. – Принимай гостей.

Косачев глянул на парней, подложил в костер поленьев, вытер о фартук руки и лишь после этого подошел здороваться.

– Молодцы, молодцы, любо поглядеть, – похвалил он, оглядев парней. – Давайте в дом.

У Косачевых было все по-прежнему. На тех же местах стояли кровати, посреди комнаты круглый стол, у окна шкаф, прямо у стены комод, а на нем старые авиационные часы.

– Васьки нету, – сказал Косачев. – Рыбачит. Вот бы встретились... и мать к нему улетела.

Косачев слазил в погреб, достал соленой рыбы, нарезал хлеб.

– Спасибо, что зашли, не забыли старика. Мой-то обормот за три года так ни разу и не приехал. Звали, звали – куда там.

Будто и нет для него родительского дома, – приговаривал он, накрывая на стол.

– А как там наш дом, стоит? – спросил Сергей. – Мы вот с Федей хотели зайти, посмотреть.

– Сгорел ваш дом, бичи сожгли, – коротко, глянув на Сергея, ответил Косачев. – У Николая золотые руки были – дом как игрушка. А эти загадили, запустили, весной пьяные напились и подпалили. Сами едва уцелели. Мы хотели отцу твоему написать, да не стали, зачем расстраивать. Как он там?

– Я еще не был, – ответил Сергей. – Три дня назад из училища. Завтра с Федей в Рысево полетим.

– Садитесь к столу, ребята, – пригласил Косачев. – Рыбку вон попробуйте. Своя, ангарская, на прошлой неделе поймал.

За столом Косачев все подкладывал парням рыбу, потом сбегал в огород, принес огурцов.

– Ешьте, ребятки, ешьте. Покойный-то Павел Жигунов – отец твой, Сережа, любил у меня бывать. Всем экипажем после полетов собирались ко мне на рыбалку. Значит, так, – приостановился Косачев, вспоминая, – командиром Павел, помощником у него Васька Сушков, а механиком у них Никифор Сапрыкин. Дружные были ребята. Частенько ко мне наезжали. Я ведь на свадьбе у Павла с Валентиной гулял. – Косачев вздохнул, разлил водку по стаканам. – И дом ваш, который сгорел, Павлу подсказал. Монашки там раньше жи-

ли. А вон, видишь, часы стоят. Как-то раз принесли и пода-
рили. С тех пор идут, ничего им не делается. А ребят нет...

Сергей смотрел на морщинистое лицо Косачева, слушал его рассказ и чувствовал, что больно сжимается сердце и хочется плакать. Он встал, подошел к окну. Внизу, метрах в двадцати от дома, отдаляясь, текла Ангара, как пружинки часов, закручивались на холодной глади воронки. С противоположного берега так же, как и много лет назад, смотрел в воду женский монастырь, а чуть выше, подрезая тонким лезвием выхлопных газов острый шпиль, в густую синеву неба уходил самолет.

ЛЕСНЫЕ ПОЖАРЫ

Лето шестьдесят четвертого выдалось на редкость засушливым. Трава на аэродроме пожелтела, с хрустом мялась под ногами, полосатый матерчатый конус безвольно повис вдоль столба – не шелохнется. Вторую неделю вокруг Рысева горит тайга. Все затянуто дымом, и не сразу поймешь, где кончается небо, а где начинается земля.

Нехорошо, беспокойно на душе у начальника аэропорта Николая Погодина. У парашютистов, которые работают на пожаре в тайге, кончились продукты. Послал к ним Погодин лесопатрульный самолет Михаила Худоревского, но тот вернулся ни с чем, из-за дыма на обратном пути едва отыскал собственный аэродром. Его зеленая «Аннушка», точно ослепшая, долго кружила над Рысевом, не зная, куда садиться.

Погодин расставил вдоль аэродрома людей, по его команде они стали стрелять из ракетниц, показывая направление посадки. И только тогда самолет после крутого виража, прошив насквозь ватную мглу, приземлился чуть ли не на середине полосы.

После посадки самолет, повизгивая тормозами, свернул не на стоянку, а дунул напрямик к аэровокзалу. Возле пятка он закрутился на одном колесе; открылась форточка, оттуда высунулось потное, закопченное лицо Худоревского.

– Пусть медведь летает! – заорал он Погодину. – А я больше не полечу. Хватит, чуть не сгорели.

– Чего кричишь, – осадил его Погодин. – Иди отдыхай. К ним Воронков на вертолете полетит.

Кроме патрульного самолета в Рысеве находился вертолет, на котором Воронков вывозил из тайги парашютистов.

Воронков улетел под вечер и не вернулся. Всю ночь на аэродроме жгли костры, вслушивались в небо. Но оно молчало. Лишь в стороне поселка слабым туканьем тревожил слух поселковый дизель, да жутко, как по покойнику, выла чья-то собака.

Утром Погодин пришел в пилотскую, разбудил Худоревского.

– Собирайся, Миша, – тихо сказал он. – Придется тебе еще раз слетать. Такие, брат, пироги.

– Не полечу, – приоткрыл глаза летчик. – Что мне, жизнь надоела? Не соображаешь, куда посылаешь, бегаешь, людям спать не даешь.

Бешеный огонек промелькнул в глазах Погодина, но он сдержался, качнул головой и пошел к выходу. На пороге оглянулся:

– Из города Глухарев прилетел. Он просил тебя зайти к нему.

Большим человеком стал Дмитрий Глухарев – старшим инженером управления. Не хотелось Михаилу портить отношения с начальством, он торопливо соскочил с кровати.

В кабинете у начальника с утра полно народу: одни сидели вдоль стены на стульях, другие толпились в коридоре, дымили папиросами.

Глухарев расстелил на столе карту, с другой стороны над ней склонился Сергей Жигунов.

– По прямой отсюда пятьдесят три километра, от ближайшего лесничества до них сорок, – говорит он. – Лагерь пожарников на этой речушке. Площадка под вертолет в километре вверх по течению.

Пришел Худоревский, просквозил мимо курильщиков, с порога оглядел, будто переписал всех. Руку подавать не стал, молча кивнул головой, хватит, мол, вам и этого. Глухарев сразу же взял его в оборот:

– Слетаешь на пожар, выбросишь продукты, а заодно посмотришь, где вертолет.

– Не полечу, – отрезал Худоревский. – Я уже Погодину сказал. А если он в этом деле не соображает, то пусть не суется и других не баламутит. Пусть лучше на баяне играет, это у него здорово получается.

Тихо стало в кабинете, слышно, как о стекло бьется залетевшая в комнату муха.

– Давайте я летаю, – подал голос Сергей Жигунов. – Только пусть нам продлят санитарную норму.

Вот уже год, как Сергей летал командиром самолета на патрулирование лесов в паре с Худоревским: полмесяца – один экипаж, полмесяца – другой. К пятнадцатому числу

Сергей отлетал свою норму и остался погостить у отца.

– Сходи, дай радиограмму Буркову, – подумав, сказал Глухарев Погодину. – Если разрешит, то пусть вылетает.

– Я сейчас, мигом, – встрепенулся Погодин.

– Что вы делаете? – свистящим шепотом сказал Худоревский. – Вы там были? Нет. А пацана в огонь суете. Там головешки на тысячу метров подлетают. Попадет одна в самолет – и конец.

– Что ты предлагаешь? – повернулся к нему Глухарев.

– Пусть туда идет наземная партия. На самолете там делать нечего.

– Ну а если вертолет потерпел аварию и пилот в тяжелом состоянии, тогда что?

– Посылать Воронкова не надо было, вот что. Посылать вы все мастера, а вот только кто отвечать будет.

– Я отвечу, ты не беспокойся, – рубанул рукой Погодин. – Без тебя найдется кому слетать. Если бы куда рейс подлиннее да подороже, ты бы хвост трубой. А здесь опасно. Как бы чего не вышло. Так что помолчи.

– А что мне молчать? – заорал Худоревский. – Бурков, конечно, разрешит. Одного сгубил, можно и другого. По-свойски. За Сушкова.

– Замолчи! – грохнул по столу кулаком Глухарев. – Хватит! Не Бурков, а ты сгубил Павла, ты. Смалодушничал я тогда, думал: нет людей и уж ничем не поможешь. А зря. Тебя надо было тогда кончить, прямо в воде. Я тебе того чеснока

в жизни не прощу.

– Так вместе воду хлебали, – обмякшим, посеревшим голосом пробормотал Худоревский и замолчал.

– Дмитрий Иванович, – поднялся со стула Сергей. – Я пойду готовиться к вылету.

– Да, да, иди готовься. Я полечу с тобой.

В кабине самолета душно, пахнет бензином, краской. Разогретые тумблеры обжигают пальцы. Самолет бежит долго, жара расплавила воздух, крылья не сразу находят в нем опору. После взлета Сергей сразу же потерял из виду землю, привычную линию горизонта съел дым, желторудная мгла всосала в себя самолетик. Они долго набирали высоту, по полметра царапались вверх. Вскоре откуда-то сбоку, как лампочка в парной, проглянуло далекое и тусклое солнце, и почти в одно время стали видны пожары. Они огромными черными волдырями смотрели в небо, обожженные их края, казалось, налились кровью.

Сергей сделал круг над пожаром. Лагерь парашютистов находился в распадке, на берегу речушки. Но вертолета там не оказалось. Не было его и на площадке.

– Где же он может быть? – заглянул в кабину Глухарев.

– Кто его знает, разве в таком дыму разберешь, – ответил Сергей. Он посмотрел на горящий лес и добавил:

– Надо сбросить продукты. Мы сейчас развернемся, снизимся и пойдем к ним по распадку. Как только дам сигнал, бросайте.

Закручивая спираль, они потеряли высоту. Самолет вошел в затянутый дымом распадок. Винт наматывал на себя стальную ленту узкой речушки, справа и слева от летчиков дымящей шубой выворачивалась наизнанку тайга.

– Следи за склоном! – крикнул Сергей летчику-наблюдателю. – Будет приближаться, кричи!

Серые, выгоревшие на солнце палатки пожарников, будто курицы, выскочили из-за кустов на дорогу. Сергей не успел открыть рот, чтобы подать команду, как они нырнули под капот.

– Эх, черт, – выругался он. – Придется новый заход делать.

Глухо взревел двигатель, самолет набрал высоту, они вышли из дыма.

– Может, хватит? – опасливо поглядывая на пожар, сказал летчик-наблюдатель. – Пошлем наземную партию.

– Сделаем еще заход, – сквозь зубы сказал Сергей. – Перед палатками метров за сто через реку три поваленных сосны. Как только проскочим их, бросай груз – и все будет в ажуре.

Следующий заход они выполнили так, как и рассчитали: груз упал точно на поляну.

После посадки к ним подошел Погодин, его взгляд скользнул по лицам пилотов и замер тревожно.

– Дым там, ничего не видно, – точно оправдываясь, сказал Сергей. – Продукты сбросили.

Погодин некоторое время смотрел на него, затем повернулся и, сгорбившись, зашагал к аэровокзалу. Его догнал

Глухарев, стал что-то объяснять, тыкая в небо.

Сергей присел на теплое самолетное колесо. Ему было жалко отца, хотелось догнать его, успокоить. Ночью Погодин не спал. Не спал и Сергей.

– Брошу все и уеду, надоело, – шепотом говорил Погодин Анне. – Устроюсь где-нибудь в городе, буду машины править. Сейчас машин много развелось, работы хватит.

– Перестань, Николай, – вяло говорила Анна. – Здесь ты человеком наконец-то стал, уважают тебя.

«Ты, как всегда, права, мать, – подумал Сергей. – Что бы мы без тебя делали?»

Вспомнилось детство, как однажды он с Васькой Косачевым залез в дом к Грише-тунгусу. Васька почему-то решил, что у Гриши спрятан пистолет. Оружия он не нашел, но на обратном пути прихватил с собой охотничий нож. Дома прятать побоялся, оставил нож у Сережки. Анна случайно наткнулась на него. Ох и выдрала же она тогда Сережку! А потом сидела вместе с ним и плакала: «Ты что, хочешь, чтоб тебя, как и Косачева, в милицию таскали? Сначала нож спрятал, потом еще что-нибудь».

К утру наконец-то пошел дождь. Он подкрался тихо, словно кошка, поцарапался в окно, стих на некоторое время, а когда погас в окнах свет, забарабанил, уже не стесняясь.

Как только рассвело, из тайги вышел Гриша-тунгус. Он напрямик прошел через летное поле, постучался в окно к Погодиным.

– Нужен врач, – поблескивая черными запавшими глазами, сказал он. – Летчика лесинной придавило. Пошел смотреть место для взлета – и тут тебе раз, повалилась. Нести нельзя. А вертолет мы укрыли брезентом и водой поливали, чтоб не сгорел.

– Сейчас запросим город, – ответил Погодин. – Пусть врача посылают.

После обеда на санитарном самолете прилетела Светлана.

Погодин натянул на голову фуражку, побежал к самолету.

– Ох ты, старый, – неожиданно остановил он себя. – Надо бы предупредить Сергея.

Но Светлана уже шла к нему навстречу.

– Что это у вас случилось? – улыбнулась она.

– Тут вот какое дело, – замялся Погодин. – Парня в тайге деревом придавило. Решили мы туда врача на парашюте выбросить. Сергей вас повезет. Вместе с вами будут прыгать двое опытных парашютистов. Гриша-тунгус и Федор Сапрыкин.

Собрались быстро. Сергей подал Светлане защитный, приспособленный для прыжков на лес костюм и, скрывая беспокойство, пошутил:

– Ты только не болтай ногами. Крепче их держи. Ребята к твоему приземлению мху натаскают. Сядешь, как в перину.

– Сережа, ты как маленький. Учишь, а у самого всего два прыжка, а у меня-то одиннадцать. Так что яйца курицу не учат.

И вновь самолет в воздухе. Лобовое стекло поклевывал дождь. Черные глазницы пожаров они увидели издали, от них тонкой газовой косынкой к реке сползал дымок. Сергей Жигунов набрал высоту, самолет стал цеплять облака.

— Восемьсот метров, пожалуй, хватит, — сказал летчик-наблюдатель и стал искать годную для выброски парашютистов площадку.

Неподалеку от лагеря пожарников, у самой реки, Сергей заметил покрытую мелким кустарником полянку.

Они прошли над поляной, выбросили вымпел, падал он вертикально, ветра почти не было.

Сергей оглянулся. Светлана напряженно улыбнулась, помахала рукой, мол, все в порядке. Летнаб открыл дверь, она, согнувшись, пошла к ней. Набежавший поток вырвал из-под шлема кончики волос. Она сделала еще шаг и неловко, боком, вывалилась наружу. Следом за ней прыгнул Федор Сапрыкин.

Парашют раскрылся почти сразу, едва над головой промелькнуло хвостовое оперение самолета. Мимо нее пролетел какой-то мешок, из него выскочил крохотный парашют, а вслед за ним вырос основной.

Ее стало относить в сторону, она пробовала подтягивать стропы, управлять парашютом, но он почему-то плохо слушался. Земля приближалась быстро. Она уже хорошо разглядела ветки и деревья. Они были так близко, что захотелось потрогать их ногой. Она упала на ветки кедра, хотела

схватиться за них, но не успела, заскользила вниз. Но до земли не долетела. Купол парашюта зацепился за макушку кедра, и она повисла на нем, как елочная игрушка. До земли было метров десять.

Светлана начала раскачиваться, чтобы ухватиться за ствол, но макушка кедра затрещала, и Светлана притихла, боясь, как бы она не обломилась.

Чуть погодя она нашла выход из положения. Выпустила запасной парашют, отстегнула на груди карабин, выбралась из подвесной системы и по стропам, как по канату, спустилась на землю.

Идти было тяжело, мох проваливался, брюки быстро намокли, прилипли к ногам. Вода была всюду: сверху сеял дождь, но Светлана его уже не замечала, стараясь не шевелить маленькие деревца, с которых сыпались крупные капли. Пахло сыростью, прелой корой, пихтой и кошкарником. Возле сосен на тугих моховых подушках глянцево поблескивал брусничник, прикрывшись листьями, словно зонтиками, выглядывали ягоды. Она сорвала горсть ягод, они оказались белобокими, но она все же съела их. Вскоре Светлана вышла к густо заросшему распадку. Идти дальше не было смысла, она присела на поваленное дерево. Неожиданно рядом на другой стороне распадка услышала треск. Светлана вытащила из кармана ракетницу, достала патрон. Треск повторился. Она увидела кабаргу, которая выскочила на пригорок, повела ушами и пропала за кустом.

На том месте, где исчезла кабарга, она увидела темное пятно и поначалу подумала, что это старый заброшенный балаган. Такие балаганы устраивают ягодники, заезжающие в тайгу на несколько дней, но, приглядевшись внимательно, определила, что это лодка с каким-то странным, похожим на гимнастического коня, мотором.

Сдерживая дыхание, Светлана подошла ближе и чуть не вскрикнула от неожиданности. На противоположной стороне распадка лежал самолет, вернее, летающая лодка или то, что осталось от нее. Лежала на боку. Сквозь деревянный скелет крыла росли березки. Некоторые из них были толще руки.

Светлана искала место, где можно было бы подойти к самолету, но распадок круто обрывался вниз. По дну расщелины бежал ключ, вода выбивалась откуда-то из-под камня.

Чуть ниже самолета, поперек расщелины, точно мостик, лежала огромная сосна. Светлана спустилась вниз и начала перебираться по сосне на другую сторону. Оставалось совсем немного, когда она поскользнулась и, ломая ветки, полетела вниз. Снова спас сук, за который зацепилась куртка. Тотчас сдавило грудь, воротник врезался в шею, стало трудно дышать. Светлана подергала ногами, кое-как развернулась, ухватила рукой за ствол, попробовала подтянуться. Но кора неожиданно отделилась от ствола, в глаза полетела труха. Она отпустила руки, закрыла глаза и тут же почувствовала, что летит вниз. В последний момент увидела,

что падает на елку. Ветки мокро и мягко хлестанули по лицу. Земля ударила ее со спины, она хватанула руками воздух и потеряла сознание.

Очнулась почти сразу, сверху прямо на нее длинно летел дождь, где-то рядом, под мхом, глухо журчала вода. Она пошевелилась, мох был мягкий, глубокий. Под ней, где-то в глубине, захрустели камни. Тогда она решила не двигаться. Полежав немного, Светлана дослала ракетницу, взвела курок. Выстрел прозвучал негромко, звук растворился, пропал между деревьями. Она полежала еще немного, прислушалась. По ее подсчетам, до реки было с полкилометра, она знала, выстрел в тайге слышен далеко. Достала из ракетницы пахнувший сероводородом патрон, зарядила и стала ждать. Минут через двадцать внизу послышались крики, она подняла ракетницу, выстрелила вновь.

– Вот она! – крикнул сверху Федя Сапрыкин.

Светлана приподнялась, увидела встревоженное лицо Сапрыкина, который смотрел на нее. Чуть ниже, вытирая рукавом лицо, подходил Гриша-тунгус. Сапрыкин, напряженившись, стоял рядом с корнем упавшей сосны, смотрел на самолет. Лицо у него было бледное, он молча шевелил губами. Гриша спустился в расщелину, следом за ним, подминая ветки, сполз Сапрыкин.

– Ну вот, не было печали. Зачем полезла? – ворчал он. – Елочка тебя спасла, не то хуже было бы.

Он помог Светлане подняться, и они подошли к летающей

лодке. Гриша обошел вокруг, заглянул в кабину. На дне кабины росла трава. Сапрыкин с другой стороны хотел залезть в самолет, ухватился за стойку крепления двигателя, но тот неожиданно зашатался и, ломая обшивку, упал на землю.

– Давно лежит, – заметил Федор, – сгнил уже весь. Чей бы это мог быть?

Гриша просунул руку внутрь кабины, достал из-за приборной доски какой-то пакет, который тут же под руками распался на мелкие кусочки. Под тканью оказалась перкаль, но Гриша не стал разворачивать, он заметил на борту еле заметные цифры, отошел немного в сторону, чтобы лучше рассмотреть.

– Не может быть, – прошептал он. – Это же Сушков!

Вскоре из лагеря пришли другие парашютисты, они помогли Светлане добраться до больного. Вечером поисковая партия вернулась в Рысево.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО СУШКОВА

Через располагающуюся перкаль виднелась дерматиновая сумка. Она была застегнута на ремешок. Глухарев потянул за него, дерматин расползся. Сквозь сетку прогнившей ткани глянули желтые, похожие на спекшийся пирог самолетные формуляры. В сумке оказалась еще одна, вздутая изнутри, кожаная папка. Глухарев отложил ее в сторону, вытащил бортовой журнал. Перелистывая страницы, отыскал записи, сделанные в промежуточных аэропортах, потом нашел последнюю. Дальше, через перегнутой пополам чистый лист, шли дневниковые записи.

Глухарев остановился на последней. Даты не было. Это было письмо Павлу Михайловичу Жигунову.

«Павел, я никогда не писал тебе и не думал, что придется. Сегодня мы уходим вниз по реке. Пишу это в надежде, что самолет обнаружат раньше нас. Паша, я улетел, не повидав тебя, ты был как раз в отпуске. А мне так нужно было поговорить с тобой. Я думаю, ты поймешь, ты всегда понимал меня. Паша, мне стыдно перед Бурковым, стыдно перед тобой, перед всем светом. Но что я мог поделать с собой, если это сильнее меня. Я люблю ее и, возможно, за это расплачиваюсь.

Р. S. Павел Михайлович, держись подальше от Худоревского. Когда мы вылетали из Бодайбо, к бортмеханику подо-

шла женщина и попросила передать Худоревскому посылку. Мы случайно вспомнили про нее, решили открыть, думали, что в ней есть съестное. А там оказалось золото. Кругом золото, а жрать нечего. Будь оно проклято!

Сейчас потихоньку трогаемся. Ждать больше нельзя. Пока есть силы, надо идти. Никифор смастерил мне костыли. Река спала. Самолет наш оказался в распадке под кустом, далеко от воды. Лежит на боку, под ним камни, галька, рядом течет ключ.

Формуляры и папку Изотова оставляю в самолете. Все, что осталось от человека. Вспомнились слова Изотова, обретенные им накануне. Вроде того, что мы ничего не принесли в этот мир и ничего не унесем с собой. Насчет первого я сильно сомневаюсь. Ведь что-то мы делали на этой земле. Строили, искали, летали. А насчет второго верно – ничего с собой не возьмешь. Все остается детям...»

– И это все? – спросил Жигунов. – Куда же они делись?

– Я, кажется, догадываюсь, – поглядывая в окно, сказал Гриша. – Они сплавляться решили, а чуть ниже порог. О нем они не знали. Плот в щепки – они под воду. А Лохов застрелился. Во время войны неподалеку от этого места натолкнулись на него. Рядом лежал заржавевший пистолет. Думали, что дезертир.

– Они даже не знали, что уже началась война, – ошеломленно сказал Сапрыкин.

– Да, не знали, – подтвердил Глухарев. Он взял кожаную

папку, положил к себе в портфель. – Эти документы надо показать изыскателям, они тут трассу под железную дорогу ищут. Авось пригодится.

– Маме надо позвонить, – размазывая по щекам слезы, сказала Светлана. – Столько лет прошло. Столько лет!

Глухарев быстро глянул на сидевшего в углу Буркова, тот согласно кивнул головой.

– Надо, конечно. И Ченцова вызвать. У него это дело, надо думать, самое долгое.

Бурков поднялся и, тяжело ступая, пошел к Погодину. Было слышно, как тонко, словно жалуюсь, скрипят под ним доски.

ОПЕКУН

В середине января, возвращаясь спецрейсом из Жиганска, мы сели на ночевку в Витиме. Я только разобрал постель, как пришел мой командир Алексей Добрецов и подал радиограмму: «Второму пилоту Осинцеву срочно вылететь на базу...» Я не поверил тому, что там было написано, начал читать снова, но неожиданно буквы пустились вскачь, до сознания дошло – умерла мать.

Некоторое время я смотрел на примолкшего Добрецова и, чувствуя, как покатались по щекам слезы, быстро вышел на улицу.

Ночью я не спал, сидел около окна, ждал утра. Сквозь обмерзшее, точно полынья, стекло виднелось серое бревенчатое здание аэропорта; дальше, на пригорке, желтым пятном проступал самолет. Видимость была плохая, метров двести – не больше.

Трое суток просидели мы в Витиме, аэропорты не работали. На четвертые долетели только до Усть-Орды, Иркутск нас не принял. Пришлось добираться на попутной машине. В город приехали под вечер. Шофер – добрая душа, ему было не по пути, но он сделал крюк, подвез меня до железнодорожного вокзала. До отхода пригородного поезда оставалось немного времени, я купил билет, присел на скамейку, посмотрел на снующих мимо людей и неожиданно поймал

себя на мысли, что среди пожилых женщин невольно ищу знакомое лицо. Тогда я закрыл глаза и попытался представить, что радиограмма не мне, а кому-нибудь другому с такой же фамилией. Совсем недавно, перед рейсом, я получил от матери письмо: она писала, что немного прихворнула, и мне казалось, все обойдется, как это было уже не однажды. А вот сейчас не обошлось, и я почувствовал, как разошлась по телу заглушенная дорогой боль.

Почему все несчастья валятся на нашу семью, в чем мы виноваты? Сначала не стало отца, за месяц до рождения младшей, Наташки, задавило деревом на лесозаготовках. А вот теперь нет матери, а дома трое ребятишек, старшая из них, Вера, учится только в четвертом классе.

Вскоре захлопали двери, началась посадка в пригородный поезд. Натыкаясь на рюкзаки, перешагивая через ведра, корзины, я залез в вагон. Поезд тут же тронулся.

Через полчаса я сошел на станции Детдом. Я не стал ждать попутной машины, прямо от станции свернул на тропинку и через поле, кое-где поросшее кустарником, пошел в поселок. В сторону вокзала летели вороны. Темнело. Небо было серое, близкое, вдалеке оно густело, сливалось с землей. Под ногами сухо поскрипывал снег.

Тропинка свернула в сторону, и я, не желая терять времени, двинулся прямо по целине на огоньки. Подо мной, грузно оседая, начал проваливаться наст, и тогда я невольно прибавил шаг, а затем и вовсе побежал. Из снега торчали се-

рые головки тысячелистника, они клонились в сторону домов, будто тоже бежали вперед к заборам, туда, где жили люди, а тут их присыпало снегом, засушило, заморозило.

И вдруг сдавило грудь и не хватило воздуха. Вот я и дома. Еще несколько шагов. Но я чувствовал: мне не хочется идти туда, внутри все застекленело от страха, будто я провинился непонятно в чем. Почему-то вспомнилось, как однажды зимой приехал в отпуск, прождал на вокзале автобус, а потом, замерзший, прибежал домой. Мать тут же переодела во все теплое и посадила к печке, поближе к духовке. Теперь уже не встретит. Здесь, вблизи дома, эта мысль показалась мне чудовищной, ведь внешне ничего не изменилось, и поселок и дома стоят на прежнем месте. А ее нет. В последний раз я видел мать осенью, когда улетал на Север. Она отпросилась с работы, прибежала провожать. Я заметил, что пуховый платок у матери выносился, раньше она аккуратно подворачивала его, и было совсем незаметно, а здесь поторопилась, не посмотрела. На нас тянулась, а себе ничего купить не могла.

Едва добрался до крайнего дома и вышел на твердую дорогу, как во дворе у старухи Чернихи взвилась собака, ей тотчас ответила другая. Я видел, как Черниха выглянула в окно, и мне стало не по себе. С детства у ребятешек было поверье, что старуха может сглазить, наслать дурную болезнь, и поэтому, может быть, к ней единственной мы не лазили в огород.

На улице я никого не встретил. Зачехленные снегом бре-

венчатые дома – как близнецы. Почти у каждого забора пузатые сосновые чурки, узкие тропинки от калиток. Возле палисадииков горы снега. Сквозь щели в ставнях на дорогу падали желтые полосы света.

Поднявшись на пригорок, увидел я свой дом, в наступивших сумерках похожий на старуху, повязанную белым платком. Слепо, будто заклеенные пластырем, глянули заледенелые окна. У ворот привычно, как делал это тысячу раз, просунул руку за доску и открыл заложку. Во дворе остановился. В глаза бросились дыры в заборе, точно выломанные зубья у расчески. «На растопку рубили», – вскользь подумал я. Надо было приехать и дров привезти. И от колодца снег отдолбить, вон какросло. Мать всегда ругалась, если снег нарастал вровень со срубом. «Того и гляди в колодец сорвешься», – говорила она.

Я помедлил, не решаясь заходить в дом. В ограде снег был убран, вытоптан, видимо, кто-то из родни постарался. В сенях на ощупь нашел дверную ручку и потянул ее. Дверь обмороженно закрипела, бесшумно, точно собачий клубок, покотился по полу холодный воздух. Пахнуло знакомым с детства домашним теплом.

– Степан приехал, – сказал кто-то облегченно.

Меня будто ударили. Это говорила тетя Надя, мамина сестра. Они очень походили друг на друга лицом, и голос был похож.

– Где мама? – спросил я.

– Вчера похоронили, – ответила тетя Надя и платком вытерла глаза. Она что-то еще говорила, у нее шевелились губы, но я уже не слышал ее.

– Как же так! – шептал я. – Ведь я приехал.

Увидев меня, заплакала Вера, тотчас же присоединился и Костя. Глядя на них, заревела и Наташка. Тоненько, широко открыв рот и захлебываясь.

– Телеграмму от тебя получили, да поздно, – виновато сказала тетя Надя. – Ты уж не сердись.

У меня загло в горле, но слез не вышло, в последнюю секунду я успел перехватить, зажать их в себе, молча, как во сне, разделся, взял на руки Наташку. Она перестала плакать, незнакомо посмотрела на меня, на золотистые шевроны на рукавах, и чудился мне немой укор в ее глазах. Я гладил ее волосы, чтоб ребятишки не видели мое лицо, склонил голову. Первой перестала плакать Вера. Она вытерла слезы, принялась успокаивать Колю.

Вера – вылитая мама в детстве. Наташка, говорят, похожа на меня, а оба мы ближе к отцу, черные, как грачи.

– Родня-то была? – спросил я через некоторое время.

– Была. Наши все были, – быстро ответила тетя Надя. – Ты их, случаем, не встретил, они на автобус пошли? Ефим Михайлович с Фросей провожают.

– Нет, я со станции.

– На передаче, значит, приехал!

Раньше, когда плохо ходили автобусы, из поселка в город

ездили на пригородном поезде, его почему-то все называли передачей.

– Ну и хорошо, ну и ладно, – засуетилась тетя Надя. – Ты сейчас с дороги, иди поужинай. А вы, ребяташки, за уроки, завтра в школу.

Она бросилась на кухню, загремела посудой. Я пошел следом, присел на стул. Тетя Надя поставила на стол суп, блины, грибы, достала бутылку «Московской».

– Выпей, помяни. Царство ей небесное.

Она протянула стакан. Я выпил – и не почувствовал запаха.

– Вот возьми грибочков, а вон козлятина, еще теплая, недавно разогревала.

Я смотрел на стол, за которым когда-то собиралась вся наша семья, смотрел на тарелки, которые еще несколько дней назад мыла мать, и не мог поверить, что мы никогда больше не соберемся вместе, что всему этому пришел конец.

– Тетя Галя приезжала, а вот Владимир не приехал, – продолжала тетя Надя. – Дал телеграмму, заболел. А так все были. Все, как надо, сделали. Соседи, те как родные. Комбикормовый завод все на себя взял. Директор Кутин – хороший человек. Мама-то в почете была. Памятник, оградку железную, машину выделил. Сам был. И школа помогла. Ирина Васильевна, твоя учительница, приходила.

Тетя Надя на секунду смолкла, смахнула набежавшую слезу.

– Мама, когда болела, все тебя ждала. Стукнут ворота – она вздрогнет, на дверь смотрит. Увидит, что не ты, замолчит и лежит так. В последнее время, видно, чувствовать стала, посадит ребятишек вокруг себя, попросит Костю дневник показать. У него с математикой плохо. Костя, он из школы раньше приходил, наварит картошки, натолчет и горячую к ногам прикладывает. Ноги у нее в последнее время мерзли. Тобой она гордилась. Бывало, приеду я, у нее письма твои под подушкой лежат.

Я стиснул зубы, заглатывая слезы. Прорвалось что-то во мне, до этого будто нес стакан с кипятком, терпел, а как поставил, все закричало от боли.

– А ты поплачь, легче станет, – посоветовала тетя Надя. Она смотрела на меня, по щекам катились крупные слезы.

– Ефим Михайлович был? – спросил я.

– Был. Он вроде как у вас жить собирается, у них там комнатенка маленькая, а здесь ребятишки одни.

Тетя Надя замолчала, увидев в дверях Костю. Он боком подошел ко мне, потрогал пуговицу на пиджаке и молча забрался на колени. Я провел рукой по волосам и заметил на шее белые рубчики. Однажды мать оставила меня нянчиться с Костей. Ему тогда было около года, я утащил его на улицу, посадил у забора, а сам с ребятишками гонял мяч. В это время на Костю налетел петух. Костя, закрыв голову руками, уткнулся лицом в траву, орал на всю улицу, а петух долбил его в шею.

– Я деньги привез, – сказал я тете Наде. – Вы, наверное, поистратились тут.

– Да что ты! Ребятишкам что-нибудь купи. Сгодятся еще.

Через полчаса пришел мой дядька Ефим Михайлович. У порога снял шапку, обмел веником снег с валенок. Я встал, пошел навстречу. Он торопливо поправил капроновый галстук, кинулся ко мне, обхватил за плечи.

– Вот ты какой стал, – пробормотал Ефим Михайлович, тыкаясь в шею шершавым, как наждак, подбородком. За годы, что я не видел его, он мало изменился, располнел только и как будто убавился ростом.

– Надолго отпустили? – спросил он, отстраняясь от меня.

Я не успел ответить. Прямо от порога, увидев меня, закричала, запричитала жена Ефима Михайловича, Фрося. Когда она вошла, я не заметил.

– Замолчи, дура-баба! – прикрикнул на нее Ефим Михайлович.

Она, сморкаясь в платок, прошла в комнату, присела на стул рядом с тетей Надей.

– Вот такие, брат, дела, – сказал Ефим Михайлович. – Ушла твоя мамка от нас. Плохо, конечно, что не успел, но что поделаешь. У нас тут без тебя мысли нараскоряку. Телеграмму я прямо начальнику аэропорта дал.

– Уж как я ее любила, как любила... – завывала Фрося. – Говорила, береги себя, у тебя же дети. Куда им теперь, горемычным, деваться!

– Перестань, Фрося, – оборвала ее тетя Надя. – Парень с дороги, лица на нем нет, а ты крик подняла.

Фрося прикусила язык, побаивалась она тетю Надю.

– Долго пробудешь? – спросил Ефим Михайлович.

– Отпуск мне дали на десять дней. Пока летел – осталось шесть.

– Да что мы так разговариваем-то? Давайте за стол, – сказала тетя Надя.

– И то верно, – подхватил Ефим Михайлович.

Тетя Надя поставила на стол еще два стакана. Ефим Михайлович разлил водку. Себе и мне по стакану – женщинам по половинке.

– Хорошая у тебя была мамка, добрая, – как и положено в таких случаях, начал он, но где-то на полпути голос у дядьки обмяк, худой кадык завис посреди горла. – Помянем, Степа, – уже тише закончил он.

Выпили разом, закусили, потом выпили еще по одной. Ефим Михайлович откашлялся, стал рассказывать, как провозжали родню.

– С ребятишками решать надо, – остановила его Фрося.

– Да, да, – заторопился Ефим Михайлович. – Тут Кутины приходили, говорят, может, отдадите Наташку. Детей-то им, сам знаешь, Бог не дал. А дом без ребенка – сирота. Хотели из детдома взять, да там чужие, а Наташка у них на глазах выросла.

Фрося помалкивала, но взглядом, точно кошка мышь,

сторожила меня. Тетя Надя, которая после рюмки, похоже, обмякла, подняла голову. На груди натянулось платье.

– Вот что я вам скажу, люди добрые, что, у них собственной родни нет? – Она пристукнула кулаком по столу, со стола упал нож.

– Кто-то еще придет, – почему-то испуганно сказала Фрося.

– Должно быть, мужик, – деловито заявил Ефим Михайлович. Он поднял нож, вытер лезвие о рукав, положил обратно на стол.

– Неужто мы оставим их? Наш корень – наша кровь, – повела бровью тетя Надя. – Люди-то потом что про нас скажут?

– Я и говорю, решать надо, – поддержал Ефим Михайлович. – Кабы у нас с Фросей квартира побольше была, я и разговор вести не стал, забрал бы ребятишек к себе.

– Правда, Ефим, правда, – поддакнула Фрося.

– С Анной мы душа в душу жили, – поглядывая на тетю Надю, продолжил Ефим Михайлович. – Я ей то угля привезу, то дров, в прошлом году пять рулонов толи достал.

Вот так и раньше. Привезет нам известь, мама побелит себе и ему. Потом оправдывалась передо мной: «Ефим, он ничего, он хороший. Фрося, та из него веревки вьет. Ей ведь какого мужика надо? Чтоб не ел, не пил и на голове ходил. У самой руки от задницы выросли». Жили они на железнодорожной станции в переполненном бараке. Нескладная, неладная была у них семья, Фрося часто болела. Ефим Михайлович

летал с одного предприятия на другое, искал длинные рубли. Хозяйства у них не было, если не считать маленького огорода, в котором ничего не росло. У соседей водились и морковь, и огурцы, и капуста. У Ефима Михайловича ничего. «Место, место гнилое, – частенько жаловался он матери, – вот если мне ваш огород, озолотился бы».

– Я сейчас кладовщиком работаю, – доносился до меня голос Ефима Михайловича, – работа ответственная, подотчетная. Люди-то сейчас какие? Быстро под монастырь подведут, и окажешься за Ушаковкой.

Почувствовав, как во мне растет неприязнь к Ефиму Михайловичу, я поднялся из-за стола и вышел на улицу. Морозный, пахнувший сыростью воздух выбил на глазах слезу. Огороженный крышами домов кусок звездного неба напоминал приборную доску самолета. Из трубы соседнего дома, протапывая размытую дорожку, куда-то ввысь тянулся сморенный дымок. Из-за сеней бесшумно вынырнула собака, завертелась около ног, затем бросилась на грудь, пытаясь лизнуть меня в лицо.

– Полкан, дружище, как нам теперь?

Полкан, пригнув уши, смотрел на меня, глаза у него радостно поблескивали.

Скрипнула дверь, вышел Ефим Михайлович.

– Ты чего выскочил? – дыхнул он сзади. – Один захотел побыть?

Полкан поднял уши, угрожающе заворчал. Ефим Михай-

лович на всякий случай отступил за меня.

– Я вчера с директором школы разговаривал, – зевнул он. – Бумаги в детдом пошлет на ребятишек. Тебе только заявление написать.

И тут у меня будто сорвалась пружина, я схватил дядьку за рубашку, рванул к себе.

– А меня ты спросил?

– Ты что, сдурел? – отшатнулся Ефим Михайлович и в следующее мгновение взвизгнул: – Убери собаку, убери, а то порешу!

Полкан вцепился дядьке в штанину. Ефим Михайлович начал отбиваться от него свободной ногой.

– Полкан! – крикнул я. – Пошел вон!

Собака тотчас же отскочила в сторону.

– Вы почему маму без меня похоронили? А-а? Пять рулонов толи достал! Благодетель!

Ефим Михайлович хрипло дышал. Согнувшись, он прикрывал голову рукой. Я отпустил его. Открылась дверь, высунулась Фрося. В сенях на полу легла полоска света.

– Вы чего это там? Давайте в избу, а то простынете.

– Закройся, – махнул на нее Ефим Михайлович. – Разговор тут серьезный.

Фрося скрылась, вновь стало темно.

– Узнаю, в отца. Такой же заполошный был, – отдышавшись, сказал дядька. – Ты пойми меня правильно, к себе их взять не могу, у самого двое ребятишек, и Фрося – какой из

нее работник? Всю жизнь по больницам. Того и гляди вслед за твоей матерью отправится. Жизнь, она короткая, а жить хочется. Ты тут меня укорил. А знаешь ли, как они без тебя жили? На улице дождь, а в комнате тазы, кастрюли стоят – крыша протекает. Толем бы крышу покрыть, да нет его нигде. Нет, понимаешь! И в магазине не купишь.

Горячая волна неизвестной доселе жалости и стыда накрыла меня.

– Прости, Ефим Михайлович, – пробормотал я.

– Да что там, это горе в тебе бродит, выхода ищет.

Я нащупал дверную ручку, вошел в дом. Снова сели за стол. Все молча смотрели на меня. Галстук Ефима Михайловича сиротливо висел на боку, из-под воротника рубашки высунулась засаленная, в узлах резинка.

Мне стало противно и стыдно за себя. Они были рядом с матерью, плохо ли, хорошо ли, но что-то делали для нее и последний долг отдали, и вот сейчас не уехали, как другие, а сидят рядом со мной, хотят чем-то помочь. Спасибо и на том.

– Что молчишь, Степа? – спросил Ефим Михайлович. – Ты старший, как скажешь, так и будет.

– Ребятишки останутся со мной, – сказал я.

– Зачем тебе, молодому, такая обуза? – коротко вздохнула Фрося. – Ты сейчас герой, все можешь! А потом что запоешь? От родных детей отцы бегают, алименты платят, а ты сам в петлю лезешь.

– Помолчи, Фрося, – остановил ее Ефим Михайлович. – Еще раз узнаю в тебе отца, царство ему небесное. Но подумай хорошенько. Улетишь в рейс, кто за ребятишками смотреть будет? Может быть, их в этот... как это сейчас называется? – Ефим Михайлович с опаской посмотрел на меня, не решаясь сказать.

– Интернат, – подсказала Фрося.

– Вот, вот. Обуты будут, одеты, накормлены...

– Нет, я уже все решил. В городе у меня есть комната. Поживу пока у Зинаиды Мироновны, а там видно будет, может, аэропорт квартиру даст.

– Костя у вас крученный, ох и крученный! Трудно тебе с ним будет, – сказала Фрося, тыкая вилкой в блин.

– Вот что, Степа, – вдруг заговорила тетя Надя. – Мы тебя не принуждаем. Добра тебе все хотят. Давай так: Наташку я себе заберу. Куда ты с ней денешься, мала еще? Пусть у меня пока поживет. Где пятеро, там и для шестой место найдется. Сейчас не война, жить можно. Захочешь взять обратно – воля твоя. Федор у меня неплохо зарабатывает – три сотни выходит.

– А Вера с нами жить будет, чего уж там, потеснимся как-нибудь, – решила Фрося.

«Чтоб она тебе полы мыла», – подумал я.

Ефим Михайлович тяжело вздохнул, покрутил головой, оглядел потолок, стены, постучал ногой по половице. Деловито нахмурился.

– С домом как порешишь?

– Продам, зачем он мне.

– Старенький дом, за участок могут две сотни дать, а дом на дрова.

– Отремонтировать, жить можно, – возразил я.

– Конечно, все можно, – подтвердил Ефим Михайлович, – только деньги на все нужны. Сейчас в город все уезжают, заколачивают дома и уезжают. Помнишь, как вам этот дом достался?

Я молча кивнул головой, вспомнив все сразу.

Рядом с нашим домом был старенький бревенчатый сарай, в котором соседи хранили сено для своих коз. Возле сарая росла густая крапива. Провинившись, я скрывался там от матери. Возле стены всегда было тепло и сухо. Между бревен серыми усами высывалось сено, а внизу бегали мыши. Там я мастерил игрушки, делал сабли, пистолеты и тут же пробовал их. Как-то смастерил пугач и, чтоб не напугать спящих ребятишек, пошел испытывать его за сарай. Набил трубку головками от спичек, забил отверстие ватой и выстрелил в стену. Горящая вата попала в щель, и сено тотчас вспыхнуло.

Я некоторое время ошалело смотрел на синий дымок, потом схватил палку и принялся сбивать крохотный огонь, но сено разгоралось сильнее. Я заскочил в дом, схватил кружку с водой и выбежал обратно. Поздно. Сарай окутался дымом, огонь точно посмеивался надо мной, показывал красные языки пламени. Через минуту пожар перекинулся на

наш дом.

Я вспомнил, что в кроватке спит Вера, бросился обратно, разбудил Веру и выбежал на улицу. Сарай превратился в огромный костер. Горела и крыша нашего дома. По улице, с криками забегали люди. Меня с Верой оттащили в сторону, начали спрашивать, где Костя. Я молчал, испуганно смотрел на огонь, который сухо потрескивал, точно внутри что-то жарились на сковородке.

Прибежала мать. Она, как безумная, лезла в огонь, но держали, кто-то из соседей, облив себя водой, бросился в дом. В это время принесли Костю. Он, как только я ушел стрелять из пугача, уполз в огород и уснул между грядок.

День был жаркий, дул ветер. Тогда сторел бы весь поселок: пожарные машины застряли в болоте, но выручили проезжавшие мимо солдаты. Они прибежали в поселок и быстро растащили остатки дома, затушили огонь.

Бревна на склад привезли с Ангары. Когда проходили большие дожди, по реке плыло немало леса. Мужики, жившие ниже по течению, только и ждали этого момента. Добрая половина домов в поселке была из бревен с лесозавода.

Соседи организовали помощь, за два дня сколотили стены, настелили пол. Остальное отец доделал вместе Ефимом Михайловичем, но вскоре дом стал тесен, отец решил построить новый, бревенчатый. Работал он как раз на лесозаготовках, привез машину бревен, а в другой раз привезли самого...

– Здесь вот мост строить начали. Мне предлагают работу завскладом. А со станции ездить далеко. Может, поживем пока у вас? – сказал Ефим Михайлович.

– Конечно, живите.

– Вот и договорились, – обрадовалась Фрося. – Дом мы подладим, отремонтируем. Ты в гости приезжать будешь. Все память о родителях.

– А Веру мы все-таки заберем, – добавил Ефим Михайлович.

– Ну ладно, посидели, мне ехать надо, – сказала тетя Надя. – Я бы еще побыла, да дома скотина осталась. Я телеграмму получила, все бросила, ребятишек по соседям распихала. Федор в командировке, из Тулюшки до перевала зимник пробивают.

Обхватив Костю с Верой, тетя Надя прослезилась. Ребятишки, привыкшие к ней, начали было снова реветь, но она тут же их успокоила:

– Летом ко мне приедете. Молока попьете вдоволь. Только учитесь хорошо и не обижайте друг друга.

– Ну, ты и характерный, весь в отца, – ластилась ко мне Фрося. – Поначалу я и не знала, как с тобой разговаривать. А в поселке что только про тебя не говорят! «Мать выучила, а он похоронить даже не приехал». Завтра всем скажу, чтоб не болтали зря.

– Ехать надо, – вздохнув, сказала тетя Надя.

– Я вас провожу, – сказал я и подошел к вешалке.

Собрали Наташку, она обрадовалась, что придется куда-то ехать, посидели на дороге и пошли к автобусу.

Я посадил сестру к себе на плечи, она была легкой, болтала ногами, что-то пыталась говорить, но тетя Надя завязала ей рот платком, чтоб не простыла. Вместе с ними уехали Ефим Михайлович и Фрося.

* * *

Я лежал у стенки, рядом со мной причмокивал губами Костя. От стенки несло холодом, видимо, опять появились щели. В кухне на стене, подрагивая, плясали красноватые тени. «Дрова прогорят, надо трубу закрыть, – подумал я, – а то к утру все тепло вынесет».

Последний раз дом ремонтировали четыре года назад, перед моим отъездом в летное училище. Мать сходила на лесозавод, выписала машину досок. Ефим Михайлович привез опилок.

Подремывая, я вспоминал, как заменял старые полусгнившие доски новыми, покрыл крышу толем. Потом решил утеплить стены. Я забрался на сени, мама с Верой насыпали в мешок опилки и подавали мне. Даже Полкан, до того гонявший кур, зубами хватал веревку и помогал тянуть мешок. Возле сеней сидела Наташка, она занималась стиркой, снимала с куклы одежонку и бросала и таз с водой. Я видел, как в тазу колышется синий кусочек неба. Наташка шлепала

по воде ручонкой, небо расплескивалось на мелкие серебристые капельки. Неподалеку от нее стоял петух, он побаивался Полкана, выжидая момент, вертел головой. Неожиданно почудилось, что мать сказала: «Степан, возьми Наташку к себе, ведь заклюет петух».

Я вздрогнул и проснулся. На сердце пустота, будто и нет там ничего. В доме пристыла тишина. Лишь монотонно постукивали ходики. Печь прогорела, тени исчезли. Я встал. Ступая босыми ногами по холодному полу, прошел в кухню, прикрыл трубу. В кровати заворочалась Вера. Я подошел, поправил одеяло, затем присел рядом. Она быстро поднялась и обвила меня ручонками.

– Ты что не спишь?

– Я стук слышала. Думала, ты куда-то пошел.

– Трубу прикрывал, – объяснил я.

– Ты нас не оставляй, Степа, ладно? Я все могу. И постирать, и сварить. Когда мама болела, я все делала.

Вновь саднящим клубком вошла в меня боль. Чтоб не выплеснуть ее, я торопливо хватанул ртом воздух, заталкивая, удерживая ее внутри.

– Да ты что, Вера, успокойся! Будем все вместе.

Вера вздохнула и, как бы оправдываясь, сказала:

– Я восьмилетку кончу и пойду в педучилище.

– А что, десять классов не хочешь?

– В педучилище, тетя Фрося говорила, стипендию дают тем, кто хорошо учится. Выучусь, Костю воспитывать буду.

– Он к тому времени уже вырастет, – засмеялся я.

– Ну, тогда Наташу, – продолжала Вера. – Она еще ничего не понимает, говорит, мама за хлебом в магазин ушла, скоро опять вернется. Здесь без тебя что было! Меня тетя Фрося жить к себе звала. Не хочу я к ней. Придет к нам, а сама от порога уже оправдываться начинает: «Хотела конфет купить, да магазин закрыт». Будто нам ее конфеты нужны!..

– Может, и правда закрыт был, – неуверенно возразил я.

– Магазин закрыт, а райисполком открыт? Она сегодня бегала туда узнавать, отдадут нас в детдом или нет.

– Откуда ты это узнала?

– Бабка Черниха сказала, она там уборщицей работает.

– Спи, Вера. Я сейчас документы разыщу. Пойду завтра в исполком. Спи.

Я подошел к комоду, выдвинул ящик. Там у нас лежали документы, бумаги, старые письма. Сверху лежал альбом с фотографиями. На первом листе альбома приклеена большая фотография – вся наша семья. Во всем новом, торжественном смотрим в одну точку. Дальше стопка старых, пожелтевших фотографий. Мать с отцом в молодости, она с короткой стрижкой, с такими сейчас ходят девчонки, отец – в косоворотке. В отдельном конверте фотографии с фронта. Отец возле «студебеккера». На нем темный ватник, забрызганные грязью сапоги. Через сутки, раненный в ногу у озера Балатон, он уже будет в медсанбате. А вот еще одна, послевоенная. Возле дома сидит отец, у стенки видны косты-

ли, а на коленях у него я. На голове у меня пилотка. Отец тогда только что вернулся из госпиталя. Он зашел во двор на костылях. Рядом, придерживая его, шла медсестра. Возле крыльца отец заторопился, костыли разъехались по грязи, и он, неловко хватаясь рукой за воздух, повалился на бок. Медсестра запричитала, бросилась поднимать, но он оттолкнул ее и на руках вполз на крыльцо. Здесь выбежала, заголовавшая мать.

– Ну, будет. Перестань, мать, слава богу, живой, – успокоил отец.

И следующую минуту он шершавыми пальцами гладил меня и, улыбаясь и плача одновременно, совал гостинец – горсть слипшихся шоколадных конфет.

В мирное время отец работал сапожником, ремонтировал туфли, подбивал каблуки, весь дом пропитался запахом вара. Постепенно здоровье пошло на поправку, он стал ходить, и с того дня потянуло его в гараж, не мог он без машин. В избе появились болты, гайки, запахло бензином, часто приходили друзья, с которыми он воевал, они приносили водку, украдкой от матери выпивали. Ночью отцу опять становилось плохо, он кричал, дико тарашил глаза, командовал. Я забивался куда-то в угол, испуганно смотрел на отца. Через некоторое время ушел из гаража в леспромхоз, возил из тайги на станцию бревна. Уже потом, когда я стал постарше, брал меня с собой. У нас в семье считали, что я пойду по стопам отца, стану шофером, но все случилось иначе.

Сейчас мне казалось, что смотрю я в свое детство из самолета, и очень многое видится отчетливо, точно все это находится где-то рядом, будто поднялся я невысоко, всего на несколько метров. Я хочу заглянуть подальше, в самое начало, но мое детство затянуло облаками, и я уже вспоминаю только то, что рассказывала мать.

Рос я слабым, болезненным, едва оклемаюсь от одной болезни, уже другая караулит, в общем, как говорят, не понос, так золотуха. У матери руки опускались, но она все-таки выходила. Ушла куда-то хворь, вырос я здоровым и крепким, но, видимо, ничего не проходит даром. Мать, отдавая себя нам, сама не береглась.

А вот на фотографии Вера. Вспоминая ее маленькой, я с удивлением заметил, что не помню, как она выросла. Забьется куда-нибудь под кровать и играет там себе целый день с куклами. С ней было хорошо водиться: отгородишь скамейками, стульями, чтоб не уползла, и айда с ребятишками на реку. Прибежишь обратно, она спит в углу. Росла тихо, незаметно, ничего с ней не случалось, разве что однажды объелась белены. Вот Костю, этого запомнил сразу, едва принесли из роддома. Орал по ночам, не переставал орать и днем, прерывался только, когда ел. «Вместо радио можно слушать», – смеялся отец. Едва научился говорить, как сразу же стал командовать. Ляжет в кроватку, прищурит свои разбойничьи глаза и требует: «Качай!» В пять лет уже всюю катался на соседской козе; петуху, который поклевал его, он

все-таки свернул шею. Отец любил его и баловал. «Весь в меня, сорванец», – частенько слышали от него.

Если для многих детство уходило медленно, у меня оно оборвалось как-то враз, хотя мать постаралась, чтобы жизнь шла тем же порядком. В тот год Вера пошла в первый класс, а тут родилась Наташка. Небольшой пенсии, которую мы получали за отца, не хватало, и мать нанялась после работы мыть полы в конторе. Узнав об этом, я решил бросить школу.

– Чего я, здоровый, буду сидеть на твоей шее, – сказал я. – Пойду работать, а десятый класс в вечерней школе закончу.

– Хватит нам денег, – ответила мать. – Живы будем, не помрем! А ты учись, Степа. Сил у тебя много, а ума на копейку. Успеешь еще наработаться...

Утром меня разбудила печь. Я приподнял голову. Рядом, свернувшись калачиком, спал Костя, Верина кровать была уже прибрана, с кухни несло запахом жареной картошки, дружно потрескивали дрова. Я тихонько, чтобы не разбудить брата, поднялся, натянул брюки.

В комнату заглянула Вера. Увидев, что я проснулся, она принесла рубашку.

– С порошком постирала. Сырую гладить пришлось, – сказала она. Мне стало неудобно перед сестрой, рубашку я не менял уже несколько дней.

– Буди его, – показала она глазами на Костю. – В школу собираться пора.

Я тронул брата за плечо, он засопел, сморщил лицо и

вдруг резко натянул на голову одеяло.

– Вот всегда так, – вздохнула Вера. – Все нервы повытягивает.

– Скажешь тоже, – высунулся из-под одеяла Костя. – Я это всегда нарочно, чтоб тебя позлить. Если хочешь – с сегодняшнего дня буду вставать раньше.

Поели быстро. Вера убрала со стола, принесла на кухню портфели. Костя снял с гвоздя пальто, искал что-то в рукавах и потом, натываясь на стулья, принялся лазить по комнате, заглядывая во все углы. Вера не стала дожидаться, когда он найдет шарфик, достала из шкафа свой старый платок, обмотала им шею брата. Тот вяло сопротивлялся, не желая надевать бабский платок, она шепотом ругала его.

На улицу вышли вместе. Хлопали ворота, на дорогу торопливо выходили люди и, вытягиваясь гуськом, шли в центр поселка. Некоторые тащили за собой санки, на них темными свертками, согнувшись, сидели ребяташки. Было холодно. Где-то рядом за поселком ошалело вскрикивали электровозы, ребяташки, не поворачивая головы, стригли по сторонам глазами. По этой дороге раньше мать провожала меня до школы, а потом шла вниз по улице к Ангаре, на комбикормовый завод.

– К маме когда пойдем? – повернулась ко мне Вера.

– Я сейчас в райисполком, а вот как рассветет, пойду на кладбище. Потом вместе ходим.

Вера с Костей пошли в школу, а я еще немного постоял

у ворот и пошел в райисполком. В приемной у председателя увидел Галину Степановну Серикову – мать моего школьного приятеля. Она работала секретаршей. Через нее, как я знал по разговорам, шли документы.

– Осинцев, проходи, – приветливо улыбнулась она. – С чем пожаловал?

– Я насчет опекуна. Хочу взять ребятишек с собой.

Она закашлялась, худое тело задергалось резко и безостановочно. Наконец Галина Степановна справилась с собой, достала из кармана платок, вытерла покрасневшие глаза.

– Жалко Анну, молодая совсем, – отдышавшись, сказала она. – Сколько ей? Еще сорока не было?

– Осенью было бы сорок.

– Кто бы мог подумать, с виду вроде здоровая была. – Серикова сочувственно посмотрела на меня. – Тут вот какое дело. Документы уже в детдоме. Я сама только что видела путевку.

– Что это так поторопились? – вырвалось у меня.

– На заседание исполкома родня приходила, Ефим Михайлович с женой. Они не возражали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.